Только невинные

Автор:
Рейчел Эббот

Только невинные

Рейчел Эббот

Детектив Том Дуглас #1

В Лондоне обнаруживают привязанное к кровати тело миллионера по имени Хьюго Флетчер, у полиции нет сомнений, убийца – женщина. Место преступления, особая жестокость, с которой неизвестная расправилась с мужчиной, – буквально все кричит о личном характере убийства, вероятно совершенном из мести. Главная подозреваемая – жена миллионера Лора. У этой женщины много секретов, и она не спешит делиться с полицией своей очень личной историей о том, как из привлекательного ухажера ее муж превратился в домашнего тирана и расчетливого преступника. Вскоре обнаруживается, что Лора была далеко не единственной женщиной в жизни Хьюго Флетчера, и не только она скрывает пугающие скелеты в шкафу…

Рейчел Эббот

Только невинные

This edition is published by arrangement with David Higham

Associates and the Van Lear Agency LLC

Copyright © Black Dot Publishing Ltd, 2011

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Яркие солнечные лучи лились сквозь высокие окна, освещая каждый уголок спальни. Комната утопала в мягком золотистом сиянии, которое подчеркивало ее великолепную обстановку. Полная катастрофа! Единственным, что она не учла, был солнечный день.

Максимальный эффект – вот на что она рассчитывала. Одежда, прическа, украшения – все должно было быть безупречно; любая неверная деталь могла все испортить, а ей нужно было быть убедительной. Иначе он мог и не поверить. Таинственный полумрак создал бы соответствующую атмосферу, но теперь спальня была скорее похожа на сцену, купающуюся в свете софитов. И это в Лондоне в конце октября! Предполагалось, что будет идти дождь.

Она не знала, как поступить. Задернуть шторы? Нет, не выйдет. Это будет слишком нарочито, и ему не понравится. Но времени оставалось совсем мало, и надо было соображать быстрее. Она торопливо развернула кожаное кресло к двери, так чтобы можно было смотреть на него, не поворачивая головы. Но

сидеть не прямо, а слегка боком, иначе она окажется слишком на виду. Вот так. Идеально. Она будет сидеть спиной к окну, свет будет сзади, и он не сумеет ничего прочитать по ее глазам. А глаза могут ее выдать.

Все приготовления были окончены. Теперь оставалось только ждать и думать о том, что должно случиться.

О неизбежности. Каждый мускул ее тела был напряжен, плечи застыли, словно каменные. Усилием воли она заставила себя расслабиться. Снаружи донесся звук мотора – подъехало такси. Хлопнула дверца. Она быстро посмотрела в зеркало – в последний раз убедиться, что все в порядке, – и встревожилась. Во взгляде, несмотря на все ее старания, явно читалась ожесточенность. Она глубоко вдохнула и попыталась прогнать из головы отвратительные мысли и образы, не дававшие ей покоя.

Несколько минут в доме не было слышно ни единого звука, хотя она знала, что он уже вошел. Толстый ковер в холле и на лестнице заглушал шаги, но она не сомневалась, что он направляется прямо в спальню. Он приближался к ней с каждой секундой; она чувствовала это каждой клеткой своего тела.

Дверь медленно отворилась. Он замер на пороге, разглядывая ее, и она мысленно приказала себе не отводить взгляд. Несколько долгих секунд они оба молчали. Следовало отдать ему должное – он был действительно привлекательным мужчиной. Дорогой черный костюм сидел на его подтянутой стройной фигуре превосходно; темные, чуть тронутые сединой волосы были уложены в безупречную прическу. Он выглядел как преуспевающий, довольный жизнью человек – собственно, он и был успешным, богатым и счастливым. Неудивительно, что его так любят журналисты, подумала она.

Наконец уголки его губ чуть дрогнули. Это был всего лишь намек на торжествующую улыбку, но она знала, что внутри он празднует победу. Ее сердце бешено забилось, но она по-прежнему смотрела ему прямо в глаза.

– Я знал, что ты придешь. – Он неторопливо окинул взглядом ее фигуру и самодовольно кивнул. – У тебя ведь не было выбора, правда? Ты замечательно выглядишь.

У нее не было права ошибиться, и поэтому свой наряд она продумала до мелочей. Черная кожаная юбка, прозрачные черные колготки – она положила ногу на ногу так, чтобы было чуть-чуть видно внутреннюю сторону бедра, белый топ из шелкового трикотажа с V-образным вырезом, мягко облегавший грудь. Образ завершали простые и элегантные золотые украшения. Судя по всему, она достигла своей цели. Первое испытание было пройдено, и теперь нужно было продержаться еще немного.

Совсем недолго.

– А зачем перчатки?

Кажется, он только сейчас заметил, что на ней были длинные, до локтя, перчатки.

– Я подумала, что тебе понравится.

Он снова улыбнулся, и она поняла, что попала в точку.

– И ты подумала правильно.

Он показал на ведерко со льдом и два высоких узких бокала, которые она поставила на низкий столик с мраморной столешницей:

– Шампанское! Я вижу, у нас сегодня праздник.

Изо всех сил сдерживая дрожь в руках, она достала из ведерка бутылку и налила в оба бокала золотистой пузырящейся жидкости. Он обошел столик, взял один и сделал осторожный глоток.

– Восхитительно, но все же идея плохая. Мне кажется, нам не стоит притуплять ощущения. – Он поставил бокал обратно и заглянул ей в глаза. – Ты взяла инициативу на себя. Это значит, что сегодня главной будешь ты?

Она встала, подошла к нему ближе и одним пальцем погладила его по щеке. Ее высокие тонкие каблуки утопали в густом ворсе ковра. Она точно знала, чего именно он хочет.

– Да. Надеюсь, ты к этому готов.

Ответ был известен ей заранее. Достаточно было всего лишь держаться уверенно – тогда он наверняка подчинится.

– Раздевайся. Сними с себя все и ложись на кровать. И подожди, пока я подготовлюсь.

Он прищурился, но она видела, что на самом деле он доволен.

– И что ты собираешься со мной делать?

Его тон был делано-равнодушным, но он уже не чувствовал себя хозяином положения, как пару минут назад.

– Пока я буду только смотреть.

Она заставила себя встретиться с ним взглядом. Его глаза блестели от возбуждения, хотя лицо все еще оставалось бесстрастным. Это выражение было хорошо ей знакомо, и она знала, какая опасность в нем таилась, но все же сумела подавить свой страх.

Он прошел в другой конец спальни и стал медленно раздеваться. При этом он не сводил с нее взгляда. Снимая с себя ту или иную вещь, он аккуратно складывал ее и вешал на стул.

– Что теперь?

Он был полностью обнажен. Как всегда, ощущение неизвестности и непредсказуемости вызвало у него мгновенную эрекцию, и ей отчаянно захотелось закрыть глаза.

– Ложись на кровать, я же сказала, – бросила она. Ее голос окреп; она понемногу обретала уверенность в себе.

Он подошел к возвышавшейся посередине комнаты огромной кровати с пологом, который поддерживали четыре столбика. По его движениям было заметно, что он гордится своим почти идеальным телом. Эта крепкая, покрытая легким загаром спина, мускулистые ягодицы и стройные бедра и в самом деле могли бы принадлежать мужчине вдвое моложе. Он растянулся на постели и ослепительно улыбнулся:

– Я готов.

Его голос был чуть глухим от еле сдерживаемого желания, и она внутренне содрогнулась от отвращения.

– Посмотри, что я для тебя приготовила. – Она надеялась, что ее ответная улыбка вышла достаточно убедительной. Из своей сумки она вытащила пять одинаковых шелковых темно-красных шарфов. – Твой любимый цвет.

Он облизнул губы. Его лицо неуловимо изменилось; теперь это была маска неистовой, почти животной похоти – набухшие губы, расширенные от вожделения зрачки.

Она тоже подошла к кровати, быстро и ловко привязала к столбикам сначала одну его руку, потом другую, потом обе ноги. Затем она взяла пятый шарф, секунду поколебалась и склонилась над его лицом.

– Сегодня это будет что-то особенное. Я не хочу, чтобы ты что-то видел – до самой последней минуты.

Он улыбнулся, полностью уверенный в том, что ее единственным намерением и желанием было доставить ему удовольствие.

Не говоря больше ни слова, она туго завязала ему глаза и двинулась к двери. Он находился уже в крайней степени возбуждения.

– Что дальше?

От страсти его голос исказился так сильно, что стал почти неузнаваемым. Она посмотрела на распростертое на кровати тело и с трудом заставила себя

ответить.

– Теперь жди. Обещаю, ты получишь гораздо больше, чем ожидаешь.

Она проскользнула в роскошную ванную, примыкавшую к главной спальне, закрыла за собой дверь, быстро вылезла из одежды и натянула свой костюм. Длинные черные перчатки все это время оставались на ней. Приготовления заняли не больше трех минут, и она снова вернулась в спальню.

Ожидание только усилило его возбуждение, если только это было вообще возможно. Но кажется, он все же что-то заподозрил – ткань шуршала совсем не так, как он ожидал, и к тому же он расслышал два едва различимых звука, когда она осторожно, один за другим, выложила на прикроватный столик два предмета. Позвякивание и легкий стук.

– Что на тебе надето? – настороженно спросил он. – Я думал, это будет что-то шелковое.

Она протянула руку к повязке, закрывающей его глаза, быстро сдвинула ее вниз и крепко завязала ему рот.

Он несколько раз моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд. Похоть овладела им настолько, что он соображал с трудом и поэтому не сразу понял, что видит перед собой. В его глазах отразился ужас; он попытался вскрикнуть, но шарф был завязан надежно.

Сквозь маску, которая была у нее на лице, было видно только глаза, и сложное выражение, которое застыло в них, не поддавалось никакому описанию. Только те люди, что знали ее очень хорошо, могли бы определить главное – непреклонную, непоколебимую решимость.

Она потянулась к столику и взяла шприц, который положила туда минуту назад. Затем закусила губу, раздвинула темные волосы у него в паху и одним точным движением вонзила туда шприц – так глубоко, как только могла. Он глухо застонал и задергался, пытаясь освободиться, но было уже поздно. Она знала, что укол не причинил ему сильной боли, но он прекрасно понял, что это означает.

Через пару мгновений он затих.

Глава 1

Старший инспектор детектив Том Дуглас быстро собирал вещи и то и дело выглядывал из окна. Обычно вид на широкую, мутную реку и Гринвич доставлял ему огромное удовольствие, но сейчас необходимо было сосредоточиться, и он не мог позволить себе тратить драгоценное время и любоваться пейзажами.

Все вышло ужасно по-дурацки. За обедом он пропустил пару бокалов вина – но кто же знал, что его первое по-настоящему значимое дело в Новом Скотленд-Ярде выпадет на выходной? Чертов закон подлости. Ему предстояло показать, на что он способен, и завоевать уважение и доверие своей новой команды, но все началось с того, что пришлось вызывать служебную машину из-за бокала вина, выпитого посреди дня. Кажется, это выставляло его не в самом выгодном свете.

Он огляделся по сторонам, пытаясь понять, не забыл ли что-нибудь нужное. «Телефон-ключи-бумажник-ноутбукудостоверение» давно превратилось в мантру, так что это было маловероятно. Тем не менее он проверил все в сотый, а затем в сто первый раз – никаких ошибок, отныне все только безупречно, – вышел из квартиры, захлопнул за собой дверь и сбежал по ступенькам вниз. Он быстро преодолел шесть лестничных маршей и выскочил на улицу как раз в тот момент, когда из-за угла вывернула темно-синяя машина. Автомобиль остановился перед подъездом. За рулем Том разглядел Бекки Робинсон, своего нового сержанта. Он запрыгнул на пассажирское сиденье, и машина тут же рванула с места – Том даже не успел пристегнуть ремень безопасности.

– Бекки, я прошу прощения. Мне ужасно неловко, что вам пришлось за мной заезжать, – сказал он.

– Все в порядке, сэр. Шикарное местечко, однако.

Том искоса взглянул на Бекки, пытаясь понять, были ли это просто мысли вслух, или она хотела выудить из него какую-то информацию, но ее блестящие темные

волосы закрывали лицо, поэтому судить было трудно. На самом деле у него не было ни малейшего желания объяснять, как вышло, что полицейский, да еще и разведенный полицейский, живет в роскошной квартире в самом сердце Доклендса. Сейчас для этого было не время и не место.

К счастью, Бекки полностью сосредоточилась на дороге. Движение было довольно оживленным, они торопились, и ей приходилось то резко прибавлять скорость, то не менее резко тормозить. Машина дергалась, Тома бросало то назад, то вперед, и ему не очень хотелось ее отвлекать. Но дело ждать не могло.

– Вы можете одновременно разговаривать и вести машину, Бекки?

– Нет проблем. На дороге тесновато, но разговоры мне не мешают.

В общем-то Том в этом и не сомневался, но с облегчением отметил, что Бекки не имеет привычки оборачиваться и смотреть на собеседника.

– Отлично. В таком случае что мы имеем? Все, что мне сказали по телефону, – это «подозрение на убийство» и что занимаюсь делом я. Тело было обнаружено где-то в центре, так? Как я понимаю, мы туда и направляемся?

– Ага. Едем в Найтсбридж. Потерпевший – не кто иной, как Хьюго Флетчер. И он мертв. Ну, это и так ясно. Ребята, которые были первыми вызваны на место преступления, утверждают, что похоже на криминальную смерть, но они не уверены. И это все, что я знаю на данный момент.

Бекки вильнула, уходя влево от черного кеба, и ударила ладонью по клаксону. Таксист высунул в окно руку с отставленным средним пальцем, и Том невольно почувствовал к нему симпатию. Бекки сквозь зубы пробормотала что-то нехорошее о водителях такси.

Поскольку Тому все же хотелось прибыть в пункт назначения не по частям, а одним целым куском, он решил немного помолчать. Хьюго Флетчер. Ну кто бы мог подумать. Хорошенькое начало карьеры в Скотленд-Ярде. Разумеется, он знал кое-что об общественной жизни этого человека – как, собственно, и все в стране. Журналисты были от него без ума, Хьюго то и дело мелькал на страницах газет и телеэкранах, а простым людям он казался вообще чем-то вроде божества. Но Тому было практически ничего не известно о его частной

жизни. Он припомнил, что вроде бы у Флетчера имелась жена, которую он гордо – и довольно тошнотворно, на взгляд Тома, – именовал своей «второй половинкой». Несколько лет назад они всюду появлялись вместе, но потом супруга Флетчера как-то исчезла из поля зрения общественности. Кажется, были какие-то неясные слухи на ее счет, но Том не помнил сути.

Черт, Ээто дело, несомненно, будет взято под особый контроль, и им придется сдерживать напор журналистов и отвечать на бесконечные вопросы прессы. Тома часто спрашивали, каково это – приносить семьям погибших дурные вести, но он хотя бы не совал убитым горем родным и близким под нос микрофон и не спрашивал, что они чувствуют в данную минуту.

Они попали в пробку, и Бекки была вынуждена сбросить скорость. Том посчитал, что сейчас можно задать ей еще пару вопросов.

– Кто его нашел?

– Домработница. Она в доме, ждет нас, чтобы мы могли с ней поговорить. Хотя, насколько я поняла, она сейчас не совсем в себе. Синклер находится на какой-то крутой свадьбе в Бате, и за ним тоже послали машину. Она заберет его и привезет прямо на место. Синклер попросил меня быть сотрудником-координатором по этому делу, осуществлять связь между нами, членами семьи и прессой – потерпевший большая шишка, поэтому им нужен кто-нибудь посерьезнее. Мне много раз приходилось выполнять такую работу до повышения, поэтому я согласилась.

– Семье уже сообщили?

– Боюсь, что нет. Флетчера нашли в его доме в Найтсбридже, обычно он там жил в течение рабочей недели, но вообще семья проживает в Оксфордшире. Туда послали местную полицию, но дома они никого не застали. У него есть дочь от предыдущего брака, но пока это все, что нам известно. Мы пошлем кого-нибудь к бывшей жене Флетчера, как только прояснится ситуация с нынешней. Нехорошо, если экс-супруга обо всем узнает первой, верно?

Бекки заметила просвет между машинами и ринулась туда. Отчаянно маневрируя и ныряя из ряда в ряд, она продвинулась еще немного, но вскоре все снова встало. От квартиры Тома до дома Хьюго Флетчера на Эджертон-Кресент

было всего восемь миль, но дневные пробки в Лондоне просто ужасны.

– Если вы не возражаете, сэр, я включу сирену. Нам нужно ехать побыстрее.

Бекки заправила волосы за уши и нажала на рычажок на приборной доске. Автомобиль, который за секунду до этого выглядел как самый обычный седан, яростно завыл и замигал разноцветными огнями, и они начали прокладывать путь между семьями, неторопливо возвращающимися домой после воскресного шопинга.

Ради собственной безопасности и сохранения здравого рассудка Том решил, что лучше будет пока держать язык за зубами, но на самом деле вождение Бекки произвело на него впечатление. Несмотря на то что ее стиль мог показаться несколько нервным, она не пропускала ни одного зазора между автомобилями и ловко перестраивалась из ряда в ряд. Ее лицо было внимательным и решительным.

Хотя Бекки старалась изо всех сил, до места они добрались только через пятнадцать минут. Оно было уже огорожено полицейской лентой. Том оглядел тихий переулок; дом Хьюго окружали элегантные белые здания с аккуратно подстриженными живыми изгородями из самшита и лавра. Да, в этой семье явно не нуждались в деньгах. Но ни богатство, ни известность, ни всеобщее уважение не помогли этому человеку избежать безвременной смерти.

К своему неудовольствию, Том заметил собравшуюся перед домом толпу репортеров с камерами наготове.

– Черт, Бекки, если жена еще ничего не знает, нам придется как-то их придержать. Поговори с ними, ладно? У меня не очень получается иметь дело с журналистами.

Том пролетел от машины к дому так быстро, что никто не успел задать ему ни одного вопроса.

– Верхний этаж, сэр, – с готовностью подсказал юный констебль, дежуривший у входа.

Том натянул спецодежду и взбежал вверх по лестнице. Он не мог не обратить внимание на пышность обстановки. За последние несколько месяцев он познакомился с роскошью поближе, но в этом доме все говорило о настоящем, вековом богатстве, больших деньгах, передающихся из поколения в поколение.

Он остановился в дверях спальни. Эксперты уже закончили работу и складывали свои приспособления, собираясь уходить. Патологоанатом был возле кровати и проделывал все обычные процедуры. Том осмотрел комнату. Она была просторной и светлой, но, как ни странно, один лишь ковер на полу имел отношение к двадцать первому веку – или, во всяком случае, так ему показалось. Огромная кровать с пологом больше подошла бы для загородного дома, а тяжелая мебель из темного дерева создавала несколько мрачноватую и гнетущую атмосферу. Впрочем, напомнил себе Том, как правило, труп на кровати веселой обстановке тоже не способствует.

Он заметил на столике два бокала из-под шампанского, теперь пустые, и увидел, что с них уже сняли отпечатки пальцев. На ведерке со льдом еще сохранился конденсат – это означало, что лед растаял совсем недавно.

Во всей этой сцене было что-то необычайно трагическое. То, что началось как романтическое свидание или праздник для двоих, окончилось мертвым телом и целой толпой людей в белых защитных костюмах. Перед внутренним взором Тома предстала картинка: приподнятые в тосте бокалы, улыбка, полная обещания, возможно, поцелуй… Так что же пошло не так?

Молодой эксперт с бледным, слегка прыщавым лицом, возившийся с оборудованием, поднял голову, посмотрел на Тома и поправил сидящие на носу очки:

– Не слишком много информации, сэр. У нас есть несколько отпечатков, но сравнить их не с чем, разве что с пальчиками потерпевшего, и я думаю, здесь все чисто. Единственная более или менее интересная вещь, которую нам удалось обнаружить, – это очень длинный волос. Нашли в ванной. Рыжий – не знаю, насколько это важно для расследования. Мы его проверим и предоставим вам отчет. Может быть, нам повезет, и он вырван с волосяной луковицей. А еще есть нож.

Том удивленно нахмурился и снова обернулся к кровати:

– Судя по видимому отсутствию следов крови, думаю, пострадавшего не зарезали?

– Нет. И поэтому присутствие ножа выглядит немного странно. Он лежал на прикроватном столике рядом с изголовьем. Никаких следов крови и никаких отпечатков. Нож был взят из кухонного набора. Он предназначен для отделения мяса от костей и поэтому очень острый. И похоже, его наточили совсем недавно.

– Есть идеи по поводу того, для чего он предназначался?

– Боюсь, что никаких. Но мы захватим его с собой и проведем кое-какие тесты. Посмотрим, может быть, что-то и выяснится.

Том кивнул другому эксперту, постарше, который уже закончил сборы и теперь стоял, прислонившись к дверному косяку.

– Спасибо, парни. Полагаю, вы взяли отпечатки у домработницы?

– Да, все сделано. Хотя вообще-то она все еще в истерике. Мы оставили ее вам; вы выясните, кто мог входить в спальню при обычных обстоятельствах, и мы сможем сверить отпечатки. – Молодой решительно захлопнул чемоданчик. – Так. Ну все, значит, мы готовы. Остается только забрать шарфы, как только вы с ними закончите, – и мы ушли.

Том подошел к кровати. Огромный человек, с необъятным обхватом талии, склонился над трупом, внимательно разглядывая что-то сквозь полукруглые очки. Руки и ноги покойного были прикручены к столбикам кровати четырьмя темно-красными шарфами; рот завязан таким же шарфом. Он был обнажен, и Том отметил, что для своих лет Хьюго Флетчер находился в прекрасной форме. Так… сначала шампанское, затем связывание. И тем не менее это не было похоже на БДСМ; на теле не было никаких следов физического насилия или других признаков подчинения.

До сих пор он не имел удовольствия познакомиться с патологоанатомом лично и теперь решил ему представиться. Тому всегда нравились патологоанатомы; среди людей этой профессии он ни разу не встретил кого-нибудь без странностей.

– Добрый день. Я старший инспектор детектив Том Дуглас. Спасибо за то, что оставили место преступления в первозданном виде, чтобы я мог увидеть все своими глазами. Думаю, теперь мы можем освободить его руки и ноги.

– Руфус Декстер. Не буду жать вам руку. – Патологоанатом помахал перед носом Тома громадной ручищей в перчатке.

Бог знает, где побывала эта рука, мелькнуло в голове у Тома. Руфус начал отвязывать руку покойного; один из экспертов подошел к изножью кровати и занялся ногами.

– Странное дело, Том. Наш парень привязан, стало быть, дело нечисто? Может быть. Сексуальные игры? Судя по шарфам, скорее всего. Умер в процессе? Не думаю. Хотя возможно. Однако я не нашел признаков, свидетельствующих о том, что процесс имел место быть. Пенис чистый – я бы сказал, он не был внутри женщины после того, как покойный в последний раз принял душ. Тем не менее надо проверить. Может быть, оральный секс?

Не знаю…

Том прервал этот поток информации:

– Можем ли мы предположить, что это была женщина?

– Хм. Наверное. Я видел его по телику, разумеется, и он всегда казался мне гетеросексуалом. А разве до вас доходили какие-то слухи, что он интересуется мужчинами? Я ничего такого не слышал, никаких сплетен… хотя, повторюсь, возможно все. И все же нет никаких признаков сексуального акта, любого рода. Или сексуальных игр. Постель не смята. Я осмотрел его тело и не обнаружил никаких волосков, ни лобковых, ни других. Только его собственные. Он чист, как стеклышко.

И в самом деле странно, подумал Том. Все говорит о сексуальном характере происшествия, но, кажется, ничего так и не случилось.

– Есть догадки, отчего он умер?

– Пока не вижу никаких признаков насильственной смерти. Может быть, его привязали к кровати и оставили и паника спровоцировала сердечный приступ? Или его отравили. Мы проведем анализ шампанского, разумеется. В любом случае точные ответы я получу, только когда вскрою тело. Боюсь, пока это все.

Том спросил, можно ли перевернуть тело – чтобы посмотреть, нет ли сзади каких-то отметок, предполагающих определенные сексуальные предпочтения. Спина оказалась чистой, но отметки на запястьях и щиколотках, оставленные шарфами, подразумевали, что Хьюго старался вырваться.

– Это еще ничего не значит, – заявил молодой прыщавый эксперт. – Эти ребята, когда играют в свои игры, по идее должны корчиться в экстазе и дергаться. Так они показывают, что им хорошо. То есть он не обязательно пытался освободиться. И еще они не всегда занимаются сексом – ну, в общепринятом смысле, вы понимаете. Она могла просто ограничиться… ручной работой.

Том с любопытством взглянул на эксперта, борясь с искушением спросить, откуда он так много знает о бондаже. Размышлять на эту тему было, конечно, захватывающе, но сейчас требовалось узнать кое-какие факты.

Он повернулся к Руфусу Декстеру:

– Как насчет времени смерти?

– Домработница – бестолковая курица. Не звонила в полицию целый час, а то и больше. Говорит, что запаниковала. Она пробыла в доме примерно полчаса до того, как обнаружила тело. Как долго он был мертв на момент нашего прибытия? Максимум три часа, а скорее, два с половиной.

Патологоанатом остановился, чтобы перевести дыхание, и Том снова вклинился с вопросом:

– Насколько я понял, полицию вызвали без малого в два, а вы были здесь в два тридцать. Соответственно, смерть наступила между 11.30 и 12.00, так?

Руфус кивнул.

– Отлично, Руфус. Тело ваше, можете его забирать, когда будете готовы. Когда вы проведете вскрытие?

– Завтра утром будет нормально? Я бы сделал все пораньше, пресса будет требовать информацию. И чертов премьер-министр тоже, учитывая статус покойного. Восемь часов вам подойдет?

Том поморщился и подумал о неизбежном телефонном разговоре, который ему предстоял.

– Скажем так, у меня и без того будет полно неприятностей из-за того, что я испортил субботу, так что воскресенье просто не может оказаться еще хуже. В любом случае у нас есть лишний час – завтра часы переводят назад, на зимнее время. Я поговорю с детективом Синклером, возможно, он захочет присутствовать. А… кажется, вот и он сам.

Снизу донесся голос суперинтендента детектива Джеймса Синклера. Том хорошо знал его манеру отдавать приказания: по форме они скорее напоминали пожелания или советы, но люди выполняли их мгновенно и беспрекословно. Из-за своего странного, перекошенного лица Синклер заслужил прозвище Исаия. К своему стыду, Том не понимал смысла этой клички до тех пор, пока кто-то ему не объяснил. Тем не менее об Исаие всегда говорили только с теплотой. Том испытывал к суперинтенденту огромное уважение, и хотя они были знакомы совсем недолго, он радовался, когда его назначили в команду Синклера по расследованию убийств. Разумеется, у него и без этого были причины перебраться в Лондон, но работа с Синклером стала несомненным бонусом.

Тело вынесли, и Том еще раз внимательно осмотрел спальню. Только теперь он понял, что было не так с этой комнатой. В ней совсем не ощущалось присутствия женщины. Никаких чисто дамских штрихов. В любой женской спальне, по опыту Тома, обязательно присутствовали по крайней мере духи, или баночки с кремами, или какая-нибудь другая косметика. Но здесь ничего такого не было. Он открыл гардероб и изучил его содержимое. Только дорогие мужские костюмы. Потом подошел к комоду и тоже заглянул внутрь. Идеально выглаженные и сложенные мужские сорочки в одном ящике, белье и носки – в других.

Том прошел вперед по коридору и осмотрел вторую спальню. Она оказалась такой же безликой, как и первая, с похожей мебелью. Комод был совершенно пуст, и только в гардеробе обнаружились намеки на то, что в семью входила еще и женщина. На вешалках Том нашел несколько чехлов с вечерними платьями, но никакой повседневной одежды не было. Очевидно, Хьюго Флетчер пользовался квартирой один и только в течение рабочей недели. Даже такая важная шишка, как он, вряд ли стал бы надевать смокинг или шикарный костюм для отдыха в выходные дни. И судя по всему, жена приезжала сюда только в редких, особых случаях.

В глубокой задумчивости он спустился вниз, где Синклер как раз разговаривал с Бекки Робинсон.

– Бекки, один из констеблей пытался добыть какие-нибудь сведения у домработницы, но она, кажется, все еще не пришла в себя. Твердит только о том, как неловко было обнаружить покойного «в натуральном виде», как она выражается. Ты не могла бы поговорить с ней сама? Ты лучше многих знаешь, как это важно, а время для нас сейчас все.

– Хорошо, сэр. Я посмотрю, что тут можно сделать. – Бекки двинулась в кухню.

Том посмотрел по сторонам. Поднимаясь наверх, он не успел как следует разглядеть дом и теперь заметил, что весь первый этаж был отдан под очень дорого и элегантно обставленные кабинеты – они выглядели именно как кабинеты, а не офисы для работы. Два верхних этажа занимали жилые помещения.

Оставшись наедине с боссом, он передал ему разговор с патологоанатомом. Судя по лицу Джеймса Синклера, он быстро впитал новую информацию.

– Что вы думаете насчет ножа, Том? Вы тоже считаете, что он мог умереть от сердечного приступа, а нож предназначался для того, чтобы разрезать шарфы, когда процесс, так сказать, будет закончен?

– Возможно, и так, но мы ничего не узнаем до вскрытия. Узлы были довольно крепкими, но все же не настолько, чтобы потребовался нож. Я пошлю кого-нибудь разобраться с шарфами – вдруг нам повезет, и кто-то по тупости купил их все в одном и том же месте и расплатился при этом кредитной картой. Но

почему-то я на это не рассчитываю. Он явно знал того, кто с ним был; следов взлома нет, и шампанское предполагает, что событие было запланировано. Мы, конечно, проверим, может быть, чего-то не хватает, но не похоже, что дом обыскивали. Кроме того, кругом полно разных ценностей, и все они на виду.

– Я думаю, мне не нужно вам напоминать – к нам будут прикованы все взгляды. Но нет ничего лучше, чем громкое дело, чтобы проверить, на что ты действительно способен… правда, Том?

Том оглядел коридор. На стенах висели фотографии в рамках – на них он тоже не обратил внимания раньше. Везде был изображен Хьюго Флетчер с известными политиками, филантропами и прочими высокопоставленными лицами. Было трудно связать этого уверенного в себе мужчину с ослепительной улыбкой и в безупречном смокинге с обнаженным телом с кляпом во рту, распростертым на кровати.

Синклер проследил за его взглядом:

– Журналисты и публика, конечно, любили старика Хьюго, но в свое время он перешел дорогу очень многим. Честно говоря, я даже удивляюсь, как это никто не свел с ним счеты раньше. Я знаю, что у него были телохранители. Какого черта они делали сегодня?

Том посмотрел на парадную дверь:

– Это место неплохо защищено. Видимо, он думал, что будет здесь в полной безопасности, и не хотел, чтобы телохранители знали, чем он планирует заниматься. Я побеседую с ними и проверю, где они были. Может, они смогут рассказать что-нибудь интересное. Знаете, я, наверное, пойду и посмотрю, как там дела у Бекки. Эти стервятники караулят снаружи, и непонятно, сколько нам еще удастся сдерживать распространение информации.

Том прошел в просторную, уютно обставленную комнату, служившую чем-то вроде гостиной для обслуживающего персонала. Бекки сидела на низком диване, держа за руку какую-то женщину – судя по всему, домработницу. Разумеется, он не сомневался в том, что дама действительно испытала сильный стресс, но сейчас она явно старалась выжать из ситуации максимум удовольствия. Один из констеблей в примыкающей кухне готовил ей чай, а на

кофейном столике рядом с диваном стоял стакан с бренди.

Домработнице было лет шестьдесят. Она была все еще в пальто; на голове у нее красовалась коричневая вязаная шапочка странной формы, показавшаяся Тому какой-то чудной. Бекки что-то говорила ей успокаивающим тоном; Том решил не вмешиваться и просто послушать.

– Берил, вы очень, очень нам помогли. Я знаю, что все это было для вас ужасным шоком и вы очень устали, но нам просто необходимо найти леди Флетчер. Как вы думаете, где она может быть?

На мгновение Том удивился, но тут же вспомнил, что за огромный вклад в дела благотворительности Хьюго Флетчеру был дарован титул. Впрочем, он никогда особенно не следил за наградными списками.

– Бедная Алекса. Она так любила отца, вы знаете.

– Берил, не хочу показаться назойливой, но… мы не можем ничего сказать Алексе до тех пор, пока не сообщим леди Флетчер.

Том заметил, что симпатичное лицо Бекки приобрело слишком розовый оттенок. Видимо, она уже давно билась с Берил.

– Вам нужно спросить Рози – та наверняка знает, где она.

– Кто такая Рози и как я могу с ней связаться? – устало выдохнула Бекки.

– Рози Диксон. Одна из секретарш сэра Хьюго. Она занимается его ежедневниками и всем таким. Ее номер есть в красной записной книжке в кабинете. Попробуйте сначала позвонить на мобильный, потому что, насколько я ее знаю, она сейчас наверняка в «Харви Николс». Помоему, она там проводит большую часть своего времени. В том числе рабочего. Понятия не имею, почему он мирится с таким поведением. – У Берил вдруг вытянулось лицо, словно она внезапно поняла, что говорить о хозяине в настоящем времени ей больше не придется.

Однако на утешения у них времени не было. Том развернулся и торопливо поднялся по лестнице в главный кабинет. Бекки последовала за ним. С Берил остался констебль.

– Вот номер Рози Диксон – я его нашел, – объявил Том пару минут спустя. – Бекки, не могла бы ты ей позвонить? Пусть прибудет сюда как можно скорее. И спроси ее, как мы можем срочно связаться с Лорой Флетчер?

Том прошел в переднюю часть дома, где Синклер разговаривал с полицейскими, которые первыми прибыли на место преступления. Через несколько минут Бекки окликнула его из кабинета:

– Готово, сэр! – Она выскочила из дверей, размахивая листочком бумаги. – Рози уже едет сюда, так что надо будет, чтобы ее кто-то встретил и поговорил с ней. Но самое главное – я выяснила, где леди Флетчер. Рози сказала, что сегодня днем она как раз должна вернуться из Италии, у них там дом. Она прибудет в Станстед совсем скоро. Мы должны ее перехватить.

Том быстро доложил Синклеру новости и вместе с Бекки направился к двери.

– Мы организуем все по пути. Надо добраться прежде, чем она узнает новости.

Глава 2

Бекки использовала все свое мастерство, чтобы как можно скорее добраться до М11. Она пыталась сосредоточиться на дороге и не слушать трудный и, судя по всему, неприятный разговор, который вел по телефону ее босс, но отключиться ей не удавалось. Пронзительный и сердитый женский голос на том конце провода, казалось, ввинчивался прямо в уши.

Разговор резко оборвался; детектив Дуглас тяжело вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Бекки бросила на него быстрый взгляд и заметила, что он устало закрыл глаза. Раньше она почему-то не замечала, что он все время грустный и его глаза постоянно обведены голубоватой тенью, словно он плохо спит. Она ощутила странный порыв взять его руку и крепко пожать, утешить,

успокоить. Какая глупость, тут же одернула она себя. Повисла неловкая тишина. Бекки стала придумывать, чтобы такое сказать, чтобы ее нарушить, но Дуглас заговорил первым:

– Извините, Бекки. Я бы предпочел, чтобы вы этого не слышали.

– Ничего страшного, сэр. Очень вам сочувствую. Честное слово.

– Думаю, в данных обстоятельствах можно забыть о формальностях. В конце концов, вы только что слышали, как моя бывшая жена разделала меня под орех и заставила чувствовать себя еще большим подонком, хотя это, кажется, уже невозможно. Когда мы вдвоем, называйте меня просто Том. – Это прерогатива всех бывших жен, сэр… то есть Том.

Моя мама все время вопила на отца как резаная.

Том криво улыбнулся:

– Честно говоря, я ее не виню. Она имеет право злиться. Предполагалось, что сегодня я заберу дочь к себе. Она должна была остаться у меня на ночь – в первый раз с тех пор, как я перебрался в Лондон. Мы оба так этого ждали.

– Уверена, ваша дочь поймет, – заметила Бекки.

– Люси только пять. Все, что она понимает, – папочка не может провести с ней выходные, как обещал. Вы в самом деле считаете, что ее мать будет меня выгораживать? – Он уставился в окно, явно не ожидая ответа, затем снова повернулся к Бекки и грустно улыбнулся: – Ну ладно, вернемся к делу. Перед тем как моя бывшая жена размазала меня по стенке, я как раз передал Аджаю номер рейса и время прибытия самолета леди Флетчер. Я велел ему связаться с авиакомпанией и попросить их передать кому-нибудь из бортпроводников потихоньку поговорить с Лорой, а потом, когда самолет приземлится, проводить ее в отдельное помещение в аэропорту.

Бекки взглянула на Тома:

– Вы ведь в курсе, что она летит лоукостом?

По его лицу она поняла, что до него не дошло.

– В посадочных талонах не указаны места. Как в автобусе. Ты поднимаешься на борт и садишься там, где свободно. Учитывая, что самолет набит итальянцами, которые совсем не славятся своим умением стоять в очередях, вряд ли это большая потеха… для человека такого положения и достатка, как леди Флетчер.

– Господи, как же в таком случае они собираются ее найти? Наверное, сделают объявление? Какого черта она выбрала бюджетную авиакомпанию?

– Вам придется спросить ее самому. На самом деле странно. Принимая во внимание миллионы-сексиллионы ее мужа, можно было бы предположить, что у них собственный «лирджет». Или что-то в этом роде.

– Да, это интригует. Но все же особого значения для расследования не имеет. Кстати, вам удалось вытащить из домработницы что-нибудь интересное?

– Не особенно. Ну разве тот факт, что в тот день она не должна была появляться на Эджертон-Кресент. Она не работает по субботам, но в пятницу оставила в доме свой кошелек. Мне пришлось выслушать длинный рассказ с кучей подробностей про то, как она поссорилась со своим мужем, который не захотел дать ей денег, чтобы отвести внуков в «Макдоналдс». Поэтому она села в автобус и поехала сюда, проделала длинный путь только ради того, чтобы забрать кошелек. К счастью для себя, из-за супружеской стычки она пропустила первый автобус, а иначе прибыла бы в тот самый момент, когда умер сэр Хьюго. Она сказала, что не собиралась подниматься наверх, но сигнализация была отключена, и она подумала, что хозяин находится дома. Тогда она все же решила подняться и объяснить, что тут делает. Здесь-то она и обнаружила тело. И так испугалась, что закрылась в комнате для прислуги и просидела там около часа – на тот случай, если убийца все еще в доме. В той комнате нет телефона, поэтому она не могла вызвать полицию.

– Она упоминала имя Алекса. Я так полагаю, это дочь сэра Хьюго?

– Да. Она живет с бывшей женой.

Бекки уже собиралась отпустить какое-то бестактное замечание по поводу бывших жен, но, к счастью, зазвонил ее мобильный. Она быстро воткнула в

левое ухо наушник и нажала на «ответить».

– Сержант Робинсон. – Тишина. – Сержант Робинсон, – повторила Бекки.

С раздраженным вздохом она вытащила наушник и не глядя швырнула его на заднее сиденье.

– Чертова Bluetooth-гарнитура. Каждый раз не работает, когда мне надо. Если сейчас перезвонят, придется включить громкую связь, если вы не возражаете.

Почти сразу же телефон зазвонил снова, и Бекки нажала кнопку громкой связи:

– Сержант Робинсон.

– Привет, Бекс. Это Эйджей. Ты сейчас с Сексапилом?

Том повернулся к ней и приподнял бровь. Бекки поморщилась:

– Да, Аджай. Он рядом.

– Тогда включи громкую связь, чтобы он тоже слышал.

– Замечательное предложение, Аджай, только вот немного запоздалое.

– О, черт. Прошу прощения, сэр. – Видимо, решив, что, если он сразу же перейдет к важной части, его промашка как-то забудется, Аджай без всякой паузы продолжил: – Я подумал, что надо вам сообщить. Леди Флетчер совершенно точно в самолете, она зарегистрировалась и сдала в багаж чемодан. Неявившихся пассажиров нет, все поднялись на борт. Они сделают объявление перед приземлением и позвонят вам по этому номеру, чтобы организовать встречу с ней.

Закончив разговор, Бекки отсоединилась и смущенно взглянула на Тома. Она почувствовала, как покраснели ее щеки.

– Упс…

Чертов Аджай мог бы включить мозги. У всех старших офицеров были прозвища, но обычно младшему офицерскому составу хватало здравого смысла держать их при себе.

– Ничего не хотите объяснить?

Бекки закатила глаза:

– Ну почему вся грязная работа всегда достается мне? Я убью Аджая. Ну ладно… Так повелось с тех пор, как вы пришли на собеседование. Флоренс из офиса увидела вас и сказала всем, что вы очень и очень сексапильный. А потом, когда вас приняли, это прозвище так к вам и прилипло, только сократилось до Сексапила. Ну вот… все очень просто.

Том ничего не ответил, но Бекки была уже не в состоянии остановиться:

– Имейте в виду, что Флоренс лет девяносто и она слепая, как крот.

– А, ну тогда это все объясняет, – иронично заметил он.

На самом деле, подумала Бекки, прозвище потому и прилипло, что очень ему подходило. Дуглас был настоящим красавчиком. Не ее тип… она предпочитала менее сдержанных мужчин. Погрубее, если уж совсем честно. Но она бы не отказалась отправиться с ним в постель. И кроме того, у него была совершенно потрясающая фигура.

Решив, что пора переменить тему, Бекки показала на папку, которая лежала на заднем сиденье.

– Вам будет интересно взглянуть на это. Пока вы осматривали труп, я попросила переслать мне кое-какие фотографии, а потом распечатала их в кабинете секретарши. Технари сказали, что можно использовать ее компьютер. Там действительно есть на что посмотреть.

Том и сам был не против отвлечься от обсуждения собственной сексапильности, своей бывшей жены и личной жизни вообще. Он не был слишком близко знаком с Бекки, но за последний час они узнали друг о друге много нового. Не похоже,

что она сплетница, подумал он. Бекки была жесткой и амбициозной, и Том был уверен, что она отнесется к его частной жизни с уважением.

Он открыл папку. Сверху лежала фотография молодой красавицы, так и искрящейся жизненной энергией. Длинные, волнистые рыжие волосы рассыпались по безупречным плечам. На женщине было свинцово-серое шелковое вечернее платье с глубоким декольте, выгодно подчеркивающее ее прекрасную фигуру – стройную, с соблазнительными округлостями во всех нужных местах. Однако больше всего Тома поразила ее улыбка, поистине ослепительная, от которой ее лицо как будто светилось. Казалось, она чувствует себя самой счастливой на свете. Бекки бросила на фото взгляд через плечо:

– Это Лора Флетчер. Фотография была сделана лет десять назад. Она только что познакомилась со своим будущим мужем, и это был их первый совместный выход в свет. Вы обратили внимание, что у нее рыжие волосы? Я сначала подумала, что мы кое-что нащупали, даже несмотря на то, что Лора в момент убийства находилась в Италии.

Том стал просматривать остальные снимки. Жена в таких случаях, как правило, считается подозреваемой номер один, но в деле Хьюго Флетчера слишком многое не совпадало. Кроме того, что Лора Флетчер в день убийства действительно находилась в Италии, вся обстановка: шампанское, шелковые шарфы – свидетельствовала о том, что вряд ли у Хьюго намечалось свидание с женой. Это было гораздо больше похоже на рандеву с любовницей. Особенно если учесть то, что леди Флетчер появлялась в квартире нечасто, о чем говорил проведенный осмотр. Жена за границей; в течение недели они живут порознь – отличная возможность поразвлечься с другой женщиной, подумал Том.

Он добрался до последней фотографии в папке и не смог сдержать удивленного восклицания:

– Что за черт? Что с ней случилось?

– Я так и знала, что вы это скажете. Предвидела вашу реакцию. Другие снимки тоже интересные, но этот – нечто особенное. Они все были сделаны в разное время; я разложила их в хронологическом порядке.

Том еще раз перебрал все фото. Ни на одном из них Лора Флетчер не сияла так ярко, как на первом. Наоборот, на каждой последующей фотографии она выглядела все менее и менее сексуально, несмотря на явно дорогую одежду. Она была все так же красива, но похудела и как будто потускнела. На третьей по счету фотографии ее волосы были уже не рыжими. Леди Флетчер перекрасилась в брюнетку, и это ей очень шло, но она казалась какой-то зажатой и немного нервной, как будто ей было неудобно в закрытом платье с маленькими рукавами-фонариками. Том снова достал последний снимок и взглянул на Бекки:

– Вы знаете, когда это снято?

– Около шести месяцев назад. За последние четыре или пять лет фотографий было очень мало. Она перестала сопровождать мужа на светские мероприятия и большую часть времени проводила в частных санаториях и закрытых лечебницах… психиатрической направленности. Нам известно, что по меньшей мере два раза она была там очень подолгу. Последний снимок сделал один совсем уж беспринципный папарацци, который, собственно, навещал в лечебнице свою мать. Он не узнал саму леди Флетчер, но прекрасно узнал автомобиль, который за ней приехал.

У машины Хьюго Флетчера очень приметные номера.

Том посмотрел на фотографию. Женщине, изображенной там, можно было запросто дать лет пятьдесят, хотя он знал, что Лоре Флетчер всего лишь около тридцати пяти. На ней были бесформенные брюки на пару размеров больше, чем нужно, мешковатый свитер и туфли без каблуков. Волосы тусклого, сероватого оттенка – не рыжие – были стянуты в пучок, открывая бледное лицо. Она выглядела вялой и безжизненной. Должно быть, долго и серьезно болела – другой причины для такой разительной перемены, по мнению Тома, быть не могло. Леди Флетчер представляла собой удручающее и очень печальное зрелище, и Том подумал, как болезнь жены могла повлиять на весьма светский и публичный образ жизни сэра Хьюго. Ему не хотелось этого признавать, но версия с любовницей выглядела все более и более убедительной.

– Бекки, нам известно, что конкретно с ней произошло?

Работу Бекки всегда выполняла на «отлично».

– Мы связались с лечебницей, но, разумеется, они нам ничего не сказали – конфиденциальность и сохранение врачебной тайны. В любом случае мы встретимся с ней через пару минут – уже подъезжаем к аэропорту. Мы приехали вовремя; скорее всего, она еще даже не успела забрать багаж.

– Ну что ж, будем надеяться, что сотрудники авиакомпании выполнили свое обещание.

Глава 3

Лора помигала левым поворотником и вывернула с главной дороги на неосвещенную боковую, которая вела к Эшбери-парку. Она резко сбросила скорость и отметила какое-то странное белое свечение над верхушками деревьев. Последний поворот. Лора подъехала к воротам своего дома и остановилась, пораженная.

– О господи, – прошептала она.

Бежать было некуда. Десятки журналистов, заслышав шум мотора ее «мерседеса»-купе, мгновенно нацелили на нее свои камеры. Телевизионщики развернули софиты в сторону машины; яркие лучи ударили ей прямо в глаза, на мгновение лишив ее зрения. Журналисты возле дома не являлись для Лоры чем-то необычным, она знала, что такое жизнь под прицелом камер, и теперь буквально чувствовала их лихорадочное возбуждение. В конце концов, своей известностью и репутацией Хьюго был обязан именно этим самым людям, и он в совершенстве владел искусством выдавать им ровно столько информации, чтобы поддерживать постоянный интерес к своей персоне.

Но это было что-то другое. В воздухе прямо-таки ощущалась атмосфера безумия.

В дом можно было попасть только одним путем. В свое время Хьюго настоял на том, чтобы ворота открывались не с помощью пульта, а вручную. Нужно было набирать код непосредственно на панели. Таким образом он мог регулярно его менять. Пульт мог потеряться… или его могли продать тому, кто больше заплатит.

Она подъехала еще ближе, к самым воротам. Вспышки камер стали еще чаще, почти сливаясь в одну, и она не могла спрятать от них свое измученное лицо. Лора опустила стекло, чтобы набрать код, и репортеры закричали громче, стараясь привлечь ее внимание, чтобы сделать удачный кадр.

– Посмотрите сюда, леди Флетчер!

– Вам уже сообщили новости, леди Флетчер?

– Вам есть что сказать, Лора? – Видимо, этот журналист решил, что если назовет ее по имени, то у него будет больше шансов получить ответ. Несмотря на всеобщий ажиотаж, никто так и не сказал, что за новости ей должны были сообщить. Одно только это говорило само за себя.

Десятки камер запечатлели ее, усталую, испуганную и разбитую, и Лора знала наверняка, что завтра утром эти снимки появятся во всех газетах.

Объезжая чересчур разросшуюся живую изгородь возле дома, она почувствовала, что к горлу вдруг подкатила тошнота. Голова сильно закружилась. В доме ее ждала полиция, в этом Лора была уверена. У них был код от ворот – из соображений безопасности. Сейчас они точно внутри. Какого поведения они от нее ожидают? Уже давным-давно Лора отучилась реагировать на жизненные события естественным образом.

Поэтому она слегка удивилась, увидев единственного полицейского на ступеньках у входа в Эшбери-парк. Он казался маленьким на фоне массивных черных дверей. У него было настороженное лицо, и Лора видела, что он чувствует себя не в своей тарелке. Он быстро говорил что-то в рацию; очевидно, не ожидал, что ему придется разговаривать с ней самому.

Лора притормозила у входа. Полицейский сунул рацию в карман и кинулся к машине, чтобы открыть ей дверь, но опоздал.

– Леди Флетчер? Простите, мэм, мы не ожидали вас так рано. Меня оставили здесь на всякий случай, но старшие офицеры еще в пути. Предполагалось, что вас встретят в Станстеде, но…

Лора глубоко вздохнула.

– Все в порядке, офицер. – Ее голос слегка дрожал от напряжения. – Просто скажите мне, что случилось.

– Мы постарались сдержать напор этих зверюг. Журналистам запрещено разглашать информацию до тех пор, пока вы обо всем не узнаете, и они понимают, что лучше им держать язык за зубами. Никто из них ничего не сболтнул, нет?

– Мне и так понятно. Понятно, что случилось что-то очень нехорошее. Скажите мне.

– Может быть, нам лучше пройти в дом, мэм, и дождаться старших офицеров?

Лоре хотелось покончить со всем этим и остаться одной – так скоро, как только возможно. Она попыталась совладать с подступающей паникой.

– Дело в моем муже, да? Если бы произошло что-то настолько серьезное, он бы сам мне позвонил. А он не звонил. Хуже, чем то, что я думаю, быть просто не может…

Ради бога, не мучайте меня. Скажите. Пожалуйста.

Молодой полицейский тяжело вздохнул:

– Все, что я знаю, мэм, – и мне очень, очень жаль, что приходится сообщать вам такие вести, – это то, что ваш супруг был найден мертвым сегодня в вашей лондонской квартире. Я понимаю, это большое несчастье и вы, должно быть, в шоке. Не хотите зайти внутрь? Так ведь будет лучше, правда?

Боясь не справиться с собой, Лора промолчала. Несколько секунд она, не говоря ни слова, смотрела на полицейского, затем развернулась и так же молча принялась подниматься вверх по ступенькам. Конечно, этот парень был ни в чем не виноват, просто сейчас она не могла бы вынести ничье общество. Осторожно и медленно переставляя ноги, одну за другой, шаг за шагом, она преодолела все ступени. Казалось, ее тело знало, что нужно делать, даже когда мозг

отказывался повиноваться. Лора чувствовала себя так, будто была вне своей оболочки и смотрела на себя со стороны или сверху, как зритель смотрит спектакль. Плохой спектакль, если уж на то пошло. Полицейский явно не знал, что сказать, а она не знала, что делать и как себя вести. Где-то в глубине ее существа нарастал крик, копился, готовился вырваться наружу, но она сумела подавить его. Сейчас было не время раскисать.

Сверху вдруг донесся странный, непривычный шум. Журналистов отсюда было не видно, но, судя по стрекотанию над головой, к дому быстро приближался вертолет. Как только Лора вставила ключ в замочную скважину, окрестности залило ослепительным светом – на вертолете включили прожектор, – и это как будто разрушило чары. Она торопливо повернула ключ, толкнула дверь и метнулась в дом, чтобы скрыться от вездесущих телекамер. С силой захлопнув за собой дверь, Лора тяжело привалилась к косяку и только тут дала наконец волю слезам. Она старалась не всхлипывать, не издавать вообще никаких звуков; слезы просто катились по ее щекам и капали на землю. Ее ноги подогнулись. Лора медленно сползла на холодный каменный пол, обхватила колени руками и уткнулась в них лицом, продолжая беззвучно рыдать. Она сжимала себя все крепче и крепче, словно боялась рассыпаться.

Перед ее внутренним взором стояла картинка – Хьюго такой, каким она увидела его в первый раз. Красивый и уверенный в себе. И сама она – яркая и легкая, словно бабочка, беззаботная, порхающая по жизни, счастливая от того, что у нее есть любимая работа, семья и друзья. Как же это вышло, что все окончилось вот так?

Она все же не выдержала и принялась всхлипывать. Все внутренности словно скрутило в тугой узел. Минут через пятнадцать, когда Лора все еще сидела, скорчившись, возле двери, она услышала звук подъезжающего автомобиля. Захрустел гравий. Дверь хлопнула едва ли не до того, как машина остановилась. До Лоры донеслись приглушенные голоса – только что прибывшие разговаривали с дежурным полицейским, – но она не сумела разобрать ни слова. Она быстро вытащила из рукава уже намокший бумажный носовой платок (Хьюго так и не смог отучить ее от этой привычки, хотя она страшно ему не нравилась), вытерла слезы и поднялась на ноги. Колени все еще дрожали. Не дожидаясь, пока в дверь позвонят, Лора распахнула ее сама.

По ступенькам поднимался высокий мужчина лет сорока, одетый в кожаную куртку, футболку и джинсы. Лора рассеянно отметила, что волосы у него

светлые и слегка растрепанные. Она понятия не имела, как должен выглядеть старший офицер полиции, но все же представляла себе нечто совсем иное.

Молодая брюнетка в строгом черном брючном костюме припарковала машину в конце подъездной дорожки и торопливо направилась к ним.

Лора вдруг покачнулась. Полицейский перескочил через две последние ступеньки и крепко подхватил ее под локти:

– Леди Флетчер, давайте-ка лучше присядем.

Он кивнул девушке, и та осторожно протиснулась мимо них и скрылась в глубине холла.

– Я… прошу прощения, – сказала Лора. – Обычно я не устраиваю таких представлений. Сейчас я приду в себя.

Еще минуту.

– Это не представление. У вас был шок. Где у вас гостиная? В какую сторону?

Со странным облегчением она отметила, что у него североамериканский акцент. Она уже миллион лет не слышала этого акцента. Это было что-то из другой жизни. Из легкой, безмятежной прежней жизни.

Они прошли в гостиную; Лора показывала полицейскому, куда идти, а он поддерживал ее под локоть, очевидно опасаясь, что она может в любой момент потерять сознание. Ей никогда не нравилась гостиная – мрачноватая, со стенами, обшитыми панелями из темного дерева, и тускло-коричневой мебелью, но в данном случае эта комната представлялась наиболее подходящей из всех. Брюнетка, по всей видимости, отыскала кухню и принесла Лоре стакан воды.

Полицейский довел ее до дивана, осторожно усадил и поставил стакан на журнальный столик. Лору сильно знобило, но, хотя дрова в камине были уже сложены и оставалось только разжечь огонь, вставать и заниматься этим ей не хотелось.

– Леди Флетчер, я старший инспектор детектив Том Дуглас, а это сержант Бекки Робинсон из полицейского управления Лондона. К нам должен присоединиться суперинтендент детектив Синклер – он застрял в пробке на M40, но мы ожидаем его уже минут через десять.

Оба полицейских присели на диван напротив. Том Дуглас глубоко вздохнул. Ему было явно не по себе.

– Мне очень жаль, что нас здесь не было, когда вы прибыли, и вам пришлось пробираться сквозь журналистов. Должно быть, это было крайне неприятно и тяжело. Еще одно потрясение. Я так понял, что вам уже сообщили… сегодня днем ваш муж был найден мертвым в вашем доме в Лондоне. Примите наши искренние соболезнования.

Лора закрыла глаза и прикусила верхнюю губу, чтобы не дрожала. Она была на грани нервного срыва и, чтобы скрыть это, низко опустила голову, почти уткнулась подбородком в грудь. Только сейчас она заметила, что все еще сжимает в руке платок – но он был порван в клочки, и Лора не помнила, как это сделала. Нужно было высморкаться; она скатала из бумажных обрывков комок и попыталась вытереть нос и глаза. Сержант Робинсон быстро сунула ей в руку свежий платок, но у Лоры даже не было сил поблагодарить ее. Она не могла заставить себя ни посмотреть на них, ни сказать хоть слово. Слезы не переставая бежали по ее щекам, и она молча прижала к лицу платок.

Старший инспектор снова заговорил. Лора постаралась сконцентрироваться на его словах.

– Полицию вызвали на Эджертон-Кресент около двух часов дня. Звонок поступил от миссис Берил Стаббс. Она обнаружила тело вашего мужа примерно часом раньше.

Лора резко подняла голову:

– Берил? Господи, а она-то что там делала в субботу днем?

Вместо инспектора ответила сержант Робинсон:

– Она приехала, чтобы забрать свой кошелек. На самом деле нам очень повезло, что миссис Стаббс оказалась на Эджертон-Кресент. Она подсказала нам, как можно вас найти. Мы пытались перехватить вас в аэропорту – предполагалось, что вас уведомят еще на борту самолета, они должны были сделать объявление. Но, видимо, вы не откликнулись… Мы очень сожалеем, что произошла накладка и мы вас пропустили. Можно было избавить вас от дополнительного стресса.

– Я проспала весь полет, – еле слышно выдавила Лора. – Я не слышала никакого объявления.

Тишину пронзила резкая трель дверного звонка.

– Я открою, – вызвалась Бекки.

Лора почувствовала, что старший инспектор смотрит на нее, но ничего не сказала. Она не смогла даже как следует поздороваться с вновь прибывшим суперинтендентом, только мельком взглянула на него и снова уставилась на свои руки, сжимавшие очередной мокрый бумажный комок.

– Леди Флетчер, меня зовут Джеймс Синклер. Прошу прощения за то, что опоздал, и позвольте также принести вам глубочайшие соболезнования. Ваш супруг был выдающимся человеком, и его любили и уважали не только в этой стране, но и во всем мире.

Лора вздрогнула.

– Мне очень жаль, но, как только вы переступили порог дома, это послужило своего рода сигналом для прессы. Теперь их ничто не сдерживает. Учитывая положение, которое занимал ваш покойный муж, можно с уверенностью утверждать, что подробности дела окажутся на первых полосах. Мы собираемся известить о несчастье первую жену сэра Хьюго. Возможно, вы захотите, чтобы мы от вашего имени связались с кем-то еще? Вам стоит только сказать.

Лора знала, что нужно ответить, но сумела только покачать головой.

– У моих коллег еще не было возможности с вами побеседовать, но, боюсь, мы должны задать вам несколько вопросов.

Суперинтендент замолчал и взглянул на двоих других полицейских.

– Мы все еще не знаем точно, от чего скончался ваш муж, но у нас есть все основания подозревать, что его смерть не просто несчастный случай. Придется подождать результатов вскрытия, но уже сейчас мы имеем некоторые факты, которые позволяют предположить преступление. Вероятно, вам известно, что чем быстрее мы будем действовать, тем больше шансов у нас найти того, кто это совершил.

Лора бросила на Синклера быстрый взгляд. Робинсон и Дуглас тоже смотрели на своего босса с интересом.

Открылась дверь, и в гостиную вошла еще одна женщина-офицер. В руках у нее был поднос с чайником и чашками. На некоторое время разговор прервался – все были заняты чаем, и Лоре стало немного легче. Нужно было держать себя в руках по крайней мере до тех пор, пока полиция не уйдет; к счастью, ее трясло уже не так сильно.

Джеймс Синклер нарушил молчание первым:

– Опять же я очень сожалею, леди Флетчер, но еще мы вынуждены попросить вас опознать тело. Это обыкновенная формальность, но ее необходимо выполнить. Вскрытие будет завтра утром. Я бы предпочел, чтобы вы опознали его до этого, но это означает, что вам придется встать очень рано.

– Я все равно почти не сплю, суперинтендент. Просто скажите, где я должна быть и когда. – Лора почувствовала, что слабеет. Стресс давал о себе знать. Она еще владела собой, но едва-едва. Ей отчаянно хотелось, чтобы полицейские ушли. Как можно скорее.

– В таком случае мы пришлем за вами машину в шесть тридцать, если это не слишком рано. И затем нам нужно будет с вами поговорить. Мы хотим знать о вашем муже все, что только возможно. Если он и в самом деле был убит, как мы полагаем, это сделал кто-то, кого он знал.

Уверен, что вы сумеете нам помочь.

– Я сделаю все, что смогу, – тихо заметила Лора.

– Может быть, кто-то угрожал вашему мужу? Или испытывал к нему неприязнь?

– Нет, никто. Во всяком случае, мне ничего не известно, ничего определенного. Его деятельность подразумевала наличие врагов, но он никогда не говорил мне о конкретных людях.

– Разумеется, мы в курсе его деятельности, леди Флетчер. Да и кто не в курсе? И конечно, мы постараемся узнать обо всем в малейших деталях. И все-таки попробуйте припомнить что-нибудь еще. – Синклер сделал паузу. – Я прошу меня извинить за этот вопрос, но… как вы думаете, не могли у вашего мужа быть отношения с какой-нибудь еще женщиной? – мягко спросил он.

Лора содрогнулась, но заставила себя встретиться взглядом с суперинтендентом.

– Я не знаю. Мне… очень жаль, – прошептала она.

– Кому мы можем позвонить, чтобы попросить остаться с вами на ночь? – с сочувствием спросила сержант Робинсон.

– Мне никто не нужен, большое спасибо. Я предпочла бы побыть одна, честное слово. – Лора помедлила и бросила встревоженный взгляд в окно. Шторы были еще не задернуты. – Но… если это вас не затруднит… не могли бы вы попросить кого-нибудь принести из машины мой чемодан? Я бы не хотела выходить наружу, особенно если этот вертолет все еще там.

– Я схожу, – предложила услужливая сержант Робинсон.

Кажется, старший инспектор спросил ее о том, не стоит ли позвонить доктору, но Лора уже выключилась из разговора. Действительность отступила на второй план; она словно находилась в другом месте и времени. Звуки голосов эхом отзывались в ее голове, но значения слов она уже не понимала.

Появилась сержант с небольшим чемоданом в руке, и Лора испытала смутное облегчение.

– Простите, леди Флетчер, но к вам посетительница. Полицейский впустил ее, потому что она сказала, что является вашей родственницей. Проводить ее сюда?

Лора не успела ответить и вообще что-либо сообразить. Дверь распахнулась. На пороге стояла стройная молодая женщина; ее длинные светлые волосы отливали медью в свете люстры за спиной.

– Лора, я только что узнала новости. Я очень, очень сожалею. Я не могла не приехать. Нельзя, чтобы ты осталась с этим горем одна, я этого просто не позволю.

Меньше всего на свете Лора ожидала услышать этот голос с легким, но вполне определенным североамериканским акцентом. Ее сердце бешено забилось. Она вскочила с дивана, не в силах больше сдерживаться. Все подавляемые эмоции вдруг вырвались наружу.

– Какого черта ты здесь делаешь?

Глава 4

Через несколько минут после того, как явилась нежданная – и, кажется, нежеланная – гостья, все трое детективов ушли. Сквозь толпу журналистов, которых стало еще больше, они пробрались к машине Бекки. Между собой Синклер, Том и Бекки не обменялись ни словом; Синклер только отпустил своего водителя, чтобы поехать вместе со всеми. Они старались сохранять максимально невозмутимые лица – вид взволнованных полицейских, покидающих дом вдовы, в вечерних новостях возбудил бы лишние слухи. Как только они оказались в машине, вне досягаемости камер, Бекки заговорила:

– Кому-нибудь еще это показалось странным? Или только мне? Едва ли три слова за весь разговор – и вдруг такой взрыв. И ей явно не терпелось от нас избавиться, особенно после того, как возникла эта самая невестка.

Том подумал, что Бекки абсолютно права. Шок и потрясение Лоры были совершенно неподдельными, но, как только появилась ее родственница, она

постаралась побыстрее выпроводить полицейских из дома. Бекки предложила остаться на ночь, но, к ее огромному разочарованию, Лора наотрез отказалась. Разумеется, больше всего на свете Бекки хотелось бы превратиться в муху и незаметно просидеть всю ночь где-нибудь на стене спальни.

– Том, вы эксперт по мотивационному анализу. Что вы думаете о леди Флетчер? Первые впечатления? – Синклер повернулся к Тому, который в глубокой задумчивости смотрел в окно. Перед глазами у него стояла Лора Флетчер. Какой хрупкой она ему показалась, когда чуть не упала в обморок и он поддержал ее. Том восстановил в памяти их разговор.

– Ее не так просто разгадать. Она в шоке, это совершенно очевидно. Судя по всему, она была полностью сосредоточена на том, чтобы держать себя в руках – настолько, что почти отрешилась от действительности. Как будто все, что происходит вокруг, – нереально. Кроме реакции на гостью. Вот здесь она снова включилась и ожила.

– Кстати, о гостье. Как ее зовут, напомните, Бекки.

– Имоджен Кеннеди, сэр.

– Да, спасибо. Так вот. Имоджен была женой брата леди Флетчер, поэтому такой прием может быть вполне оправдан. Кто знает, что было между ними раньше; возможно, какие-то давние семейные неурядицы. Но здесь определенно стоит покопаться. Такая враждебность… за этим вполне может скрываться что-то более серьезное.

Что вы об этом думаете, Бекки?

– Мне показалось, что леди Флетчер как будто сдалась и махнула на себя рукой. В отличие от своей очень привлекательной невестки.

Том снова подумал, что Бекки совершенно права. На Лоре Флетчер была жухло-фиолетовая юбка с рисунком из «индийских огурцов», некрасиво присобранная на талии, и блекло-бежевого оттенка свитер с круглым вырезом и короткими рукавами. Ее волосы были стянуты в хвост обыкновенной резинкой. Лора была бледна – неудивительно при данных обстоятельствах, – и все ее лицо покрылось красными пятнами от слез. Разумеется, это не добавляло ей привлекательности,

в то время как Имоджен Кеннеди выглядела безупречно. Контраст между двумя женщинами был просто потрясающим.

– Я бы дорого дал, чтобы самому увидеть, как она отреагировала на новость. Констебль-дежурный был слишком взволнован и толком ничего не заметил.

– Как вы могли упустить ее в аэропорту, Том?

– Понятия не имею. В авиакомпании нас уверяли, что сделали объявление на борту, как и обещали. Однако никто так и не отозвался. Она сказала, что, наверное, все проспала.

Бекки скептически хмыкнула:

– Ага. А через две минуты добавила, что почти не спит.

Том кивнул:

– Я думаю, что перелеты оказывают такой эффект на многих. Не важно. В любом случае мы попросили сотрудников аэропорта проверить, забрала ли она багаж, и через десять минут они связались с нами и сообщили, что транспортер пуст, так что, видимо, да. Мы решили, что она вотвот появится. В аэропорту сделали еще несколько объявлений. Мы подождали еще полчаса, и стало понятно, что леди Флетчер все же умудрилась пройти мимо нас. Мы двинулись сюда и прибыли десять минут девятого. Удивительно, что мы приехали почти одновременно, учитывая, что она выехала раньше.

– А мы уверены, что она действительно была в том самолете? – перебил его Синклер. – Есть ли основания для сомнений?

– Абсолютно никаких, – заверила Бекки. – Кроме того, когда я брала из машины ее чемодан, заметила, что на нем была бирка с сегодняшней датой. Рейс из Анконы, как и должно быть. Все правильно.

– Вы видели ее сегодня, Бекки. Как вы считаете, могли бы узнать ее в аэропорту?

– Последний снимок был не слишком удачным, так что если судить по нему – да, мы легко могли ее пропустить. Но у меня практически фотографическая память, и я не думаю, что сегодня мимо меня проходила женщина в такой юбке. Я бы обязательно заметила. Впрочем, она могла быть в пальто. На заднем сиденье машины как раз лежало пальто.

Том все равно не понимал, как они могли разминуться с Лорой, но тем не менее так оно и было. Как сказала Бекки, леди Флетчер на момент совершения преступления находилась в Италии, сомнений в этом быть не могло. Но все же что-то не давало ему покоя. Он держал Лору за руку и чувствовал, что она действительно страдает, а не играет – ее трясло по-настоящему. Но на некоторые вещи она реагировала странно. Ее совсем не интересовали детали смерти мужа – на самом она даже не спросила, как он умер. Но тот факт, что домработница оказалась в доме в субботу, как будто поразил ее. Почему, какое это имеет значение? Тогда они еще не знали наверняка, что это убийство. Должно быть, Бекки думала о том же самом, потому что она обратилась к Синклеру с вопросом:

– Вы сказали, мы имеем некоторые факты, которые позволяют предположить преступление. Что они обнаружили, сэр?

– Когда тело привезли в морг, Руфус Декстер снова осмотрел его с лупой в руках. Он всегда делает свою работу на отлично и не пропускает ни малейшей детали. Поэтому он просто не смог не проверить все еще раз. Он заметил крохотную капельку крови на лобковых волосах жертвы. В это место определенно был сделан укол. А учитывая, что ни один нормальный мужчина не будет колоть себя в такой опасной близости от собственного достоинства, Декстер решил сообщить эти сведения мне. Хотя пока он еще не установил, что именно ему вкололи. Вряд ли преступник хотел скрыть место укола – мы все знаем, что для этого есть куда более удачные точки; скорее всего, оно было выбрано из-за того, что оттуда вещество быстро всасывается в кровь.

– Нам еще предстоит сообщить ей, что ее муж был в обнаженном виде и привязан к кровати, – сказала Бекки. – Ей вряд ли удастся заблокировать такую информацию.

Том снова посмотрел в окно, на темное небо и освещенную огнями M16, и подумал о Хьюго Флетчере. Если судить по уже имеющимся фактам, вряд ли окажется, что убийство совершила рассерженная супруга. Не то что вряд ли, а

маловероятно, и, значит, следует начинать активную работу над другими версиями. Первое, что приходило в голову, – это деятельность сэра Хьюго. Том подумал, что здесь вполне может быть какая-то связь. Сэр Хьюго унаследовал свое состояние, но его известность была делом его собственных рук. Он широко занимался благотворительностью и много делал для того, чтобы помочь девушкам из Восточной Европы, попавшим в сети проституции. Учитывая сексуальный подтекст убийства, логично было бы предположить, что к этому имеют отношение проститутки. Но зачем проститутке убивать сэра Хьюго?

Джеймс Синклер был настроен скептически.

– Если верить СМИ, Хьюго Флетчер был просто Господь Всемогущий. Я бы поверил, что его убил недовольный сутенер, только вряд ли он стал бы пить с сутенером шампанское, а потом позволил привязать себя к кровати. Возможно, во всем этом и есть логика, но я ее не постигаю.

Они выехали с шоссе, и Бекки вернулась к своему обычному стилю вождения – обгонам и лавированию между довольно плотно идущими автомобилями. Даже в этот поздний час в субботу движение на дорогах было напряженным. Каждый раз, когда они проскакивали на желтый, Синклер заметно нервничал, и каждый раз Том не мог сдержать улыбку. К счастью, когда босс повернулся к нему, он успел сделать серьезное лицо.

– Давайте вернемся к фактам. Мы все знаем статистику по убийствам, совершенным супругом или супругой. Мы установили, что леди Флетчер совершенно точно прилетела из Италии тем самым рейсом, и в этом не может быть никаких сомнений. Хорошо. Не могла ли она убить его и каким-то образом попасть в Италию, чтобы вернуться в Лондон самолетом из Анконы?

– Это невозможно, мы проверяли.

– Как насчет частных самолетов? Она ведь богата.

– Мы проверяем и эту возможность, но, по-моему, это было бы равносильно признанию в убийстве. Леди Флетчер, конечно, загадочная личность, но она точно не глупа. Улететь из Лондона в Анкону частным самолетом, а потом через час вернуться регулярным рейсом – это все равно что надеть на голову колпак с надписью «виновна».

– Разумный довод. Надо проверить, конечно, но – согласен, это был бы не самый умный ход.

Был еще один странный момент, о котором они не упомянули. Неестественная реакция Лоры Флетчер, когда Синклер спросил ее о других женщинах в жизни мужа. Вернее, отсутствие всякой реакции. Большинство женщин, подумал Том, возмутилось бы или стало бы с негодованием все отрицать. Но Лора отозвалась весьма вяло.

Том почувствовал, что и все как-то приувяли.

– Ладно, – сказал Синклер. – Давайте подытожим. Леди Флетчер в качестве подозреваемой выглядит неубедительно, хотя это не значит, что она не могла заплатить наемному убийце. Как насчет сверхэмоционального отклика на визит невестки?

Они еще не успели обсудить гневную вспышку леди Флетчер и то, как быстро она выставила их за дверь.

– На невестку она откликнулась куда живее, чем на известие о том, что ее муж убит. Я бы сказал, что это была ее самая непосредственная реакция. Она действительно разозлилась, как будто эта Имоджен была последним человеком на земле, которого ей хотелось бы видеть.

У Бекки, однако, уже появилась своя версия.

– Мне кажется, Лора подозревала, что у Хьюго роман с Имоджен. Это бы все объяснило.

– И это также означает, что мы должны проверить все передвижения миссис Кеннеди за последние двадцать четыре часа, – заметил Синклер.

Все погрузились в свои мысли. Тишину прервал мобильный Тома. Он ответил, внимательно выслушал звонившего и дал отбой.

– Хорошие новости. Опрос соседей дал некоторые результаты. Один из них видел, как кое-кто выходил из дома примерно в 11.45. Стройная женщина

среднего роста, с большой черной сумкой на плече. Две вещи, которые запомнились ему больше всего, – очень длинные рыжие волосы и обтягивающая черная кожаная юбка длиной до колена.

– Боже мой, какая невероятная наблюдательность! – пробормотал Синклер.

– Он следил за ней несколько минут, потому что она показалась ему «обалденно сексуальной». Его собственные слова.

Они снова замолчали. Том невольно подумал о сексуальной черной кожаной юбке и об уродливом одеянии, которое было на Лоре Флетчер. Часть информации непременно просочится в газеты; сравнения и соответствующие выводы в данной ситуации неизбежны. Сумеет ли она с этим справиться?

В ста милях к юго-востоку от Оксфордшира совсем еще юная девушка стояла у окна и напряженно вглядывалась в ночь. В комнате было совершенно темно, на проселочных дорогах не было фонарей, и небо было безлунным, поэтому можно было различить только неясные очертания, силуэты деревьев на фоне черного ночного неба, ветки, раскачивающиеся под сильным ветром с моря. Но никаких признаков человеческого присутствия не было. Она снова и снова, до боли в глазах, всматривалась в темноту, одновременно и боясь, и надеясь увидеть свет фар приближающегося автомобиля.

С тех пор как он приезжал в последний раз, прошло уже несколько дней. Раньше он никогда не отсутствовал так долго. Она знала, что он злится на нее, но может быть – может быть! – у нее получится все исправить. Когда он снова приедет. Может быть, она слишком поторопилась. Или хотела слишком многого.

Так ничего и не увидев, она со смутным чувством облегчения отошла от окна. Это ощущение, она знала по опыту, скоро сменится тревогой и страхом. В комнате было холодно, и ее начала бить дрожь – то, что было на ней надето, можно был назвать одеждой только условно. Она отпила маленький глоточек воды, забралась под тонкое одеяло и подоткнула его вокруг себя, чтобы хоть как-то спастись от ледяных сквозняков. Свернувшись клубочком, она накрылась с головой и попыталась дыханием согреть свое трясущееся в ознобе тело.

Глава 5

В камине потрескивал огонь – Имоджен наконец-то решила его разжечь. Поленья быстро занялись и горели хорошо и ровно, но веселое пламя почти не оживляло жуткую комнату. Разве что совсем чуть-чуть.

Лора взглянула на Имоджен, изучающую обширную коллекцию бутылок с бренди, которую собрал Хьюго. Они начали ссориться в ту же минуту, как полицейские закрыли за собой дверь, и этот спор совершенно измотал ее. Все окончилось тем, что она бросилась в ванную комнату на первом этаже, где ее и стошнило. Сильный стресс часто действовал на Лору таким образом. Теперь она лежала на диване, пристроив голову на гору подушек и обхватив живот руками – не столько затем, чтобы облегчить судороги, сколько для того, чтобы хоть немного успокоиться.

– Ты не должна была приезжать, Имоджен. – Голос Лоры был слабым. Она не могла больше кричать, но ярости в ней нисколько не убавилось. – Это очень, очень дурацкий поступок. О чем ты только думала? Ты вообще не думала, да?

– Ты уже высказалась на эту тему, и достаточно ясно. Я все прекрасно поняла.

– Ты должна была находиться на полпути к Канаде. И зачем ты им сказала, что ты моя невестка, господи. Ну для чего?

– Потому что я и есть твоя невестка, – хладнокровно ответила Имоджен. Гнев Лоры на нее совершенно не подействовал. – Во всяком случае, была до тех пор, пока все не пошло наперекосяк. Наверное, Уиллу тоже не понравится, что я здесь, но это уже его проблемы. Слушай, Лора, ну как я, по-твоему, должна была поступить? Как только услышала о смерти Хьюго, я почувствовала, что просто обязана приехать. И после всего, что я для тебя сделала – по твоей просьбе! – я подумала, что тебе может понадобиться поддержка. Вот уж действительно дурочка.

Тон Имоджен резко изменился – с полицейскими она разговаривала совсем другим голосом, любезным и воркующим.

Лора вздохнула:

– Да, Имоджен. Я отлично помню, о чем тебя просила. И это была действительно большая просьба. Вот только я не знала, что к ее выполнению прилагаются условия.

– Большая просьба? Так ты это называешь? Я бы сказала, большая просьба – это когда меня просят дать поносить мой новый, с иголочки, пиджак от Армани. Или одолжить мои последние две тысячи. Хотя, конечно, тебе бы все это никогда не понадобилось. Ваша «большая просьба», леди, тянет не меньше чем на одиннадцать по шкале Рихтера, и вы это знаете.

– Я тебе все объяснила. Ты сказала, что поняла. Но не сказала, что будут условия.

– Но теперь все изменилось, не так ли?

Имоджен набрала в грудь воздуха и выдохнула, как будто сбрасывая напряжение.

– Следующие несколько дней – а может, и недель – станут кошмаром. Тебе понадобится поддержка. Кто знает, какие скелеты выпадут из шкафа? И полиция обязательно захочет узнать, что с тобой случилось и почему ты оказалась в том сумасшедшем доме.

Лора резко села. Даже Имоджен не позволялось отпускать комментарии вроде этого.

– Ты, как всегда, очаровательно выражаешь свои мысли, Имо. Мы обе знаем, почему я там оказалась. Но мне от этого почему-то не легче.

Имоджен замерла. По ее глазам было видно, что она уже сожалеет о своих словах. В этом она вся, подумала Лора. Самая ее большая проблема – это то, что сначала она говорит, а потом думает.

Имоджен поставила на кофейный столик большой стакан с коньяком – хотя Лоре совсем не хотелось коньяка – и присела рядом.

– Я прошу прощения. С моей стороны это было бестактно. И грубо. Но что ты собираешься сказать полиции? Я здесь, чтобы помочь тебе. Дать тебе силы, чтобы пройти через все это. Ведь возможны моменты, когда ты просто не будешь знать, что делать. Тебе нужно объяснить все Алексе, потом еще разобраться с завещанием, с похоронами… этот список можно продолжать еще очень долго. Тебе нужно с кем-нибудь поговорить, а я – единственный человек, который все понимает.

Лора тем не менее была еще не готова окончить ссору.

– Да-да. Да, но вот в чем проблема, Имо. Ты только думаешь, что все понимаешь, но на самом деле не имеешь ни о чем ни малейшего представления.

Они причиняли друг другу совершенно бессмысленную боль. Все плохое уже произошло, и исправить это было невозможно, сколько бы они ни уязвляли друг друга. Возможно, коньяк не такая уж плохая идея, подумала Лора, сделала большой глоток и содрогнулась. Она всегда ненавидела его приторную сладость.

– Слушай… я не хочу, чтобы мы ссорились. Видит бог, мои эмоции и так зашкаливают. Я понимаю, почему ты приехала, правда, хотя все же это была дерьмовая мысль. Безответственное и импульсивное решение. И полиция наверняка заинтересуется, почему это я пришла в такой ужас, когда ты возникла на пороге.

– Тогда скажи им правду! Хьюго меня ненавидел, твой брат меня на дух не переносит, меня на много лет отлучили от этого кошмарного дома, и к тому же твой муж запретил тебе со мной разговаривать. А ты была моей самой лучшей, самой близкой подругой. Правда достаточно уродлива, я тебя уверяю; незачем выдумывать дополнительные истории.

С этим Лора не могла не согласиться. С тех пор как ей исполнилось пять и вплоть до первого года ее брака, она и Имоджен были настолько близки, насколько это вообще возможно. Родители Имоджен переехали из Канады в соседний дом, и Лора прекрасно помнила то утро, когда они познакомились. В семье Кеннеди выдался паршивый день, и Лора незаметно пробралась в свою личную берлогу, устроенную среди густого кустарника в дальнем конце сада, чтобы не слышать криков. Никогда раньше ей не приходилось слышать

североамериканский акцент вживую – до тех пор, пока Имоджен с ней не заговорила.

– Я увидела тебя из окна своей спальни и подумала, что тебе не помешает шоколад. Можно мне к тебе?

Должно быть, Лора сказала «да», потому что девочка в джинсовом комбинезоне, с улыбкой во все лицо, на четвереньках влезла в ее убежище, быстро обняла ее и сунула ей пакет с шоколадными медальками.

– Лучше сразу скажи, почему ты плачешь. Потому что я не уйду, пока ты не скажешь.

Так их отношения установились раз и навсегда. Имоджен нашла дыру в живой изгороди, разделявшей их дома, и сказала, что это будет их секрет. В любую минуту Лора могла пробраться сквозь эту лазейку и поиграть с Имоджен – и Имоджен делала то же самое. С того дня они буквально не вылезали из домов друг друга. Лора полагала, что знает о своей подруге все, и наоборот. Но она ошибалась.

Имоджен никогда не рассказывала Лоре, что с самой школы была влюблена в Уилла Кеннеди, ее старшего брата. А когда Уилл ответил ей взаимностью и все вышло наружу, Лора почувствовала себя так, будто ее оттеснили на второй план. Поначалу она обижалась на Имоджен за то, что та имела от нее тайны, но счастье Уилла и ее лучшей подруги было так заразительно, что она не могла злиться долго. Они поженились, когда Имоджен только исполнилось двадцать, и были без ума друг от друга до одной ужасной ночи, которая случилась здесь, в этом самом доме.

Нужно было сообщить маме и Уиллу о смерти Хьюго. Вообще Лоре страшно не нравилось, что Уилл уехал работать в Африку, но, к счастью, сейчас мама как раз отправилась его навестить. Должно быть, она уже добралась. Маме никогда не нравился Хьюго, а в данный момент Лора вполне могла обойтись без комментариев на тему выбора супруга.

– Мне надо сказать Уиллу, Имоджен. И маме. Иначе они просто услышат обо всем в новостях, а это будет гораздо хуже. Не уверена, что у меня хватит сил разговаривать с мамой. Я скажу Уиллу, и пусть он ей передаст.

Лора заранее знала, что ответит Имоджен. Она ни за что не упустила бы такой прекрасный повод поговорить с бывшим мужем.

– Давай я этим займусь. Я сама позвоню Уиллу. Через минуту. – На лице Имоджен появилось деловое выражение.

– И еще не могла бы ты проверить, горит ли лампочка на автоответчике, Имо? И если горит…

– Я знаю, что делать. Не волнуйся, Лора.

– И потом Алекса… Я должна сделать все, что в моих силах, чтобы помочь ей. Ей всего двенадцать – господи, она еще так мала для всего этого. Это будет для нее ударом. Я знаю наверняка, что от ее матери в этом толку ноль. Нужно дать девочке возможность оплакать отца – и без размышлений Аннабел на тему того, каким дерьмом он был. Я понимаю, что она его бывшая жена, а значит, почти обязана его ненавидеть, но ведь можно же один раз справиться с собой ради собственного ребенка?

Лора вдруг осознала, что тараторит без умолку. Она взглянула на Имоджен. Подруга смотрела на нее со странно-решительным видом. Кажется, она ждала паузы, чтобы сказать что-то серьезное.

– Перед тем как несколько отвлеклась, ты сказала – я цитирую – «Ты только думаешь, что все понимаешь, но на самом деле не имеешь ни о чем ни малейшего представления». Мне кажется, тебе лучше объяснить, что ты имела в виду.

Значит, действительно ждала удобного момента, подумала Лора. Имоджен разглядывала ее слишком внимательно, и от этого ей было немного не по себе. Она встала с дивана, подошла к камину и принялась ворошить тлеющие угли. У нее не было сил объясняться с Имоджен, но ее бывшая невестка явно не собиралась сдаваться.

– Я не лицемерка, Лора. И я терпеть не могла твоего мужа. В этом твоем «ты не имеешь ни о чем ни малейшего представления» кроется куда больше, чем кажется на первый взгляд. И мне необходимо знать, в чем дело. Обещаю – я от

тебя не отстану до тех пор, пока ты мне все не расскажешь. Я тебе не враг, Лора. Я твоя подруга.

Угли погасли. Пытаясь выиграть время, Лора добавила еще поленьев, укладывая каждое с излишней тщательностью. Разумеется, Имоджен заслуживала объяснений. Она солгала ей – или, во всяком случае, не сказала всей правды. Но они не виделись и не разговаривали много лет, и за это время слишком многое произошло. Невозможно было рассказать все за один вечер.

– Честное слово, сейчас я не в состоянии, Имо. Я знаю, что теперь принято изливать душу по поводу и без повода, и причем сразу же. Психологи постоянно твердят об этом, но мне никогда не был близок такой подход. Когда я была… в том заведении, я видела очень много людей, которые только и делали, что пережевывали свои проблемы снова и снова. В то время как было бы в сто раз лучше, если бы они задвинули их поглубже и просто продолжали жить своей жизнью. Тем не менее ты имеешь право знать. Это я признаю.

Повисла долгая пауза. Лора боролась с собой. Имоджен молчала, и было ясно, что она не пойдет на попятную, чтобы облегчить Лоре жизнь. В конце концов Лора все же решилась – неожиданно для себя самой.

– Я писала тебе письма.

– Какие письма? Я ничего от тебя не получала много лет. О чем ты говоришь?

– Я их не отправляла.

Лора помолчала. Она все еще не знала, сможет ли сделать это.

– В самый первый раз я написала тебе, когда вы начали встречаться с Уиллом. Я дулась на тебя и хотела рассказать, как обижаюсь. Потом я перечитала свое послание и пришла в ужас от собственного эгоизма. И порвала письмо. Позже в моей жизни не раз были случаи, когда мне хотелось узнать твое мнение или просто изложить все на бумаге, чтобы лучше понять свои собственные чувства. Или принять трудное решение. И я стала писать тебе письма. Их было несколько. Все началось, когда я познакомилась с Хьюго. Я должна была хранить наши отношения в тайне, и я хотела запечатлеть каждое мгновение, все малейшие детали, чтобы потом как бы пережить все заново вместе с тобой.

Когда придет подходящее время. Я не могла с тобой поделиться, и это было ужасно. Но подходящее время так и не пришло. Все изменилось. Когда я перечитала первое письмо, оно показалось мне невыносимо наивным и детским. Потом все снова изменилось, и я написала тебе опять. Я собиралась отдать тебе письма, чтобы ты все прочитала, но появилось вдруг столько препятствий… И постепенно это превратилось в своего рода терапию. Мне казалось, что я разговариваю с тобой, но при этом я не страдала от унижения, видя твою реакцию. Ты все поймешь, когда прочитаешь.

Лора глубоко вдохнула:

– Иди, Имоджен. Иди позвони Уиллу, а я пока найду письма. Они хорошо спрятаны. Наверное, лучше всего будет начать сначала – с того вечера, когда я встретила Хьюго. Но мы будем двигаться с моей скоростью. Я все еще не уверена, смогу ли отдать тебе их все.

Глава 6

Февраль 1998 года

Дорогая Имо,

я просто умираю от желания кое-что тебе рассказать, но я не могу! Это сводит меня с ума. Я понимаю, почему не должна этого делать, но это так трудно! Ты моя лучшая подруга, и мне необходимо с тобой поделиться. Поэтому я собираюсь все записать. Так я ничего не забуду, ни одного момента, а поверь мне, все они для меня невероятно дороги. Последние две недели были самыми счастливыми в моей жизни. И я думаю, что за эти четырнадцать дней моя жизнь изменилась навсегда.

Я познакомилась с одним человеком.

Все началось в тот вечер, когда была церемония награждения. Та самая, о которой я тебе говорила. Я никогда не бывала в Большом зале отеля «Гросвенор-Хаус», но знала, что все самые роскошные церемонии проходят именно там. А в

этот раз один из моих фильмов вошел в шорт-лист, и, конечно, я была на нервах. Когда я подъехала, Саймон – мой босс – уже ждал меня. В маленьком холле собралась целая толпа людей; все улыбались, смеялись, и все были так элегантно одеты – ну просто невероятно. Мы протиснулись сквозь них и прошли в бельэ таж, который выходил на Большой зал. Там как раз разносили шампанское.

Должна признаться, хоть это и нескромно, что я была очень довольна тем, как выгляжу. Это придавало мне уверенности в себе, учитывая, что меня трясло, как в лихорадке. Я потратила все деньги на роскошное платье – шелковое, цвета аквамарина, с тоненькими лямочками и глубоким вырезом. Оно облегающее и скроено так, что в нем я кажусь стройной и фигуристой, а не пухлой. Во всяком случае, я сумела себя в этом убедить! Ну и, конечно, мои волосы тоже добавляли мне эффектности. Мне так нравится быть рыжей! В общем, это был один из тех вечеров, когда я чувствовала себя на миллион.

Я заглянула в Большой зал, и у меня захватило дух. С потолка свисали огромные люстры, все было залито светом, и я видела очень много круглых столиков, прекрасно убранных, с ослепительно-белыми скатертями; на каждом стоял подсвечник с горящими свечами, и мне показалось, что внизу расстилается целое море теплых золотых огоньков. Задник сцены был украшен золотыми и серебряными звездами, просто потрясающими, но больше всего мне нравилось смотреть на длинный стол, на котором стояли награды для победителей – хрустальные пирамидки. От одного взгляда на них по спине у меня пробегала дрожь. Было бы такой огромной честью победить! И кроме того, это означало бы настоящий карьерный взлет.

Но знаешь, дело не только во мне и моих личных амбициях. Я болею за всю нашу компанию. С тех пор как Саймон передал мне часть акций, я чувствую, что должна оправдать его доверие, доказать, что я действительно чего-то стою. И если бы я выиграла, он бы убедился, что принял правильное решение.

Когда мы уселись за свой столик, я поняла, что в общем разговоре мне поучаствовать не удастся. Мне даже не было видно некоторых ВИП-гостей, которых Саймон пригласил к нам за стол, – из-за длинных свечей и огромного серебряного ведра со льдом, в котором стояли бутылки с вином. Однако вечер шел своим чередом, количество бутылок постепенно уменьшалось, и через некоторое время я встретилась взглядом с мужчиной, сидящим напротив.

Он показался мне смутно знакомым и крайне интересным. Я подумала, что ему, наверное, около сорока. У него были густые темные волосы и абсолютно безупречная прическа, как и вообще все в нем. Все мужчины были в смокингах, но его смокинг почему-то выглядел лучше – он лучше сидел, был элегантнее… и даже чернее всех! Я не смогла разглядеть, какого цвета у него глаза, но поспорила сама с собой, что они темно-синие. И он наблюдал за мной! Он взял свой бокал с шампанским и чуть-чуть приподнял его, глядя на меня, еле заметно… такой молчаливый тост… И это было очаровательно! Не могу подобрать другого слова, ну разве что сексуально. Но я так и не успела ответить на его флирт, потому что раздалась громкая барабанная дробь и ведущий объявил:

– Леди и джентльмены! Прошу вас занять свои места. Церемония награждения начинается.

В воздухе как будто повисло напряжение. Теперь я знаю, как чувствуют себя люди во время вручения «Оскара». Я откинулась на спинку стула и постаралась выглядеть как можно безразличнее, но мое сердце колотилось так сильно – я думала, что оно вот-вот выпрыгнет у меня из груди!

Как и на «Оскаре», они показывали отрывок из фильма каждого из номинантов. Мой фильм был о домашнем насилии. Не обязательно физическом, а скорее эмоциональном – унижении, оскорблении, контролировании поведения и так далее. Господи, чего только не происходит за закрытыми дверями! В отрывке была показана одна из игровых сцен, которые я вставила в фильм. Актеры были великолепны. У парня, который играл мужа, получилось передать настоящее ощущение угрозы, хотя он и пальцем к жене не прикоснулся. Но знала ли ты, что довольно много мужчин тоже подвергается насилию?

Вопрос, который напрашивается сам собой, – как же люди позволяют так с собой обращаться? Как доходят до такого? Когда мы работали над фильмом, я говорила с некоторыми из них. И они были совсем не похожи на жертв, которых себе обычно представляешь. Это были умные, образованные люди, с хорошей работой. И одна женщина сказала мне: «Это постепенное, методичное разрушение уверенности в себе просто невозможно объяснить». Наверное, ты благодаришь Бога за то, что вышла замуж за Уилла!

Мы посмотрели отрывки из фильмов других номинантов, и наконец-то наступил момент истины.

Ведущий подошел к микрофону.

– И победителем становится… «Все в семье». На сцену приглашается продюсер фильма Лора Кеннеди!

Следующие полчаса пролетели как во сне. Все поздравляли меня, шампанское лилось рекой. Мне улыбались, жали руку, желали успехов – даже те, кого мы победили (хотя, разумеется, сквозь зубы). И все время я чувствовала на себе его взгляд… того мужчины. И мне это безумно нравилось.

Я решила отойти на минутку, чтобы поговорить с членами жюри. Просто сказать им спасибо. Но одна из них, женщина, так и обдала меня холодом.

– Не благодарите меня, Лора, – сказала она. – Я за вас не голосовала.

Потом она встала из-за стола и двинулась к выходу. Тут я ее узнала. Это была журналистка Софи Миллер. Она известна своими фильмами и программами на острые темы, и поэтому ее отзыв меня несколько шокировал, но я постаралась сделать невозмутимый вид. Я улыбнулась остальным членам жюри, чтобы скрыть свое замешательство, а потом возвратилась за свой стол.

Настроение у меня немного испортилось, но, я думаю, мне удалось этого не показать. А потом… я вдруг услышала за спиной негромкий голос.

– Мисс Кеннеди? – сказал он (так официально!). – Я Хьюго Флетчер. Поздравляю вас с заслуженной наградой. Ваш фильм произвел на меня большое впечатление – по крайней мере, та часть, которую мне удалось увидеть сегодня. Я бы хотел поговорить об этом подробнее, а также рассказать о работе своего благотворительного фонда. Но сегодня, разумеется, неподходящий случай. Не хотели бы вы пообедать со мной как-нибудь? Неподалеку от Кингз-Роуд есть неплохой ресторан, и я бы с удовольствием пригласил вас туда. Вот моя карточка. Подумайте и позвоните мне, если решите.

Он слегка поклонился – да-да, правда! – и отошел. Честно говоря, мне стало очень жаль, что он уходит. Одна только мысль о том, что он где-то рядом и смотрит на меня, волновала меня неимоверно. А без него все вокруг как будто чуточку потускнело… понимаешь, о чем я?

Ну да ладно. Я снова приободрилась и уже хотела пойти потанцевать, когда увидела эту ужасную Софи – она как раз направлялась к лестнице. Я быстро пробралась между столиками и тоже побежала наверх. Я догнала ее у гардероба – она стояла в очереди за своим пальто.

– Еще раз здравствуйте, – сказала я самым милым своим голосом. – Нам с вами не удалось поговорить раньше, но у меня сложилось впечатление, что вы не в восторге от моего фильма. Мне было бы действительно интересно узнать почему. Что вам так не понравилось?

Она даже не моргнула. Кажется, мои слова ее нисколько не смутили. Я заметила, что у нее очень темные глаза и что в них нет и тени улыбки. Ответила она очень четко и по существу:

– Ваш фильм сделан неплохо. События развиваются с нужной скоростью, и игровые сцены тоже достойны всяческих похвал. К сожалению, у него один огромный недостаток. Мне было более чем ясно, что вы не имеете абсолютно никакого представления об этой теме. Прошу меня извинить, мне нужно идти.

Она прошла мимо меня и скрылась за дверью, даже не оглянувшись. А я просто стояла там и смотрела ей вслед. Я так и не придумала, что ей ответить, и к тому же у меня не было времени размышлять об этом, потому что ко мне уже пробирался Саймон, чтобы вытащить меня потанцевать.

Остаток вечера я помню плохо, все было в каком-то тумане. Единственное – я хорошо помню, что подумала: моя жизнь вот-вот изменится навсегда.

К тому времени, когда это прочитаешь, ты и так уже будешь знать все об этой церемонии, так что прошу прощения за повтор. Но одно неотделимо от другого, поэтому мне очень важно в подробностях описать атмосферу того вечера и водоворот своих собственных эмоций.

Неудивительно, что следующий день оказался не самым хорошим днем для работы! Никто не ложился часов до четырех, и голова у нас у всех трещала ужасно. Но я все равно постоянно улыбалась. Мне было наплевать на головную боль и тошноту.

Не знаю, было ли дело в похмелье, но передо мной то и дело возникали яркие, цветные картинки вчерашнего вечера. Как будто кадры из кинофильма. Кадр: я на сцене, сжимаю в руках свою драгоценную хрустальную пирамидку, а передо мной – море лиц. Еще кадр: одноединственное лицо… лицо мужчины… и он чуть заметно улыбается мне. Только мне одной.

Странно, но вторая картинка почему-то возникала гораздо чаще, чем первая.

Мой предыдущий опыт с мужчинами нельзя назвать очень удачным, правда? У тебя с Уиллом, конечно, совсем другое дело. Но у меня ни разу не было действительно серьезных отношений. Мне кажется, в наши дни все хотят просто секса без обязательств. Некоторые парни думают, что достаточно по-быстрому угостить тебя пивом в пабе – и ты позовешь их к себе в постель. Может быть, это прозвучит чрезмерно прагматично, но мне все же надо установить какую-то эмоциональную связь с человеком, прежде чем заниматься с ним сексом. И я еще никогда не встречала мужчину, который пробудил бы во мне такие чувства, как у тебя к Уиллу. И более того, ни один из них до сих пор не занимал так плотно мои мысли. Ни один… до Хьюго Флетчера.

Я просто умирала от желания расспросить о нем Саймона, но он появился в офисе только в три часа! Видимо, это одна из привилегий босса. Конечно, все хотели поговорить о вчерашней церемонии, но лично мне хотелось только одного – остаться с Саймоном с глазу на глаз и задать ему парочку вопросов. В конце концов мне удалось зажать его в углу.

– Лора, я все прекрасно понимаю. Ты жаждешь поговорить со мной о Хьюго Флетчере, так? Дорогуша, он весь вечер не мог отвести от тебя глаз. (Это такой телевизионный жаргон. Не подумай дурного – один раз я даже слышала, как Саймон назвал «дорогушей» электрика.)

Не важно. В любом случае его слова были прямо музыкой для моих ушей. Я сидела словно в трансе, а Саймон рассказывал мне все, что знал, о Хьюго, о его благотворительной организации, его делах, капиталовложениях и… его жене!

Почему мне и в голову не пришло, что он может быть женат? А я не имею дел с женатыми мужчинами. Никогда, ни за что на свете – во всяком случае, сознательно – я бы не стала вносить свой вклад в это несчастье. Кто-нибудь обязательно будет страдать, это неизбежно, а я видела и знаю, что это такое. Ты

поймешь, что я имею в виду.

Естественно, я слишком забежала вперед. Мы едва обменялись парой слов. Но между нами точно проскочила искра – да еще какая! По крайней мере, я это почувствовала.

Только я решила, что не приму приглашение Хьюго и не пойду ни на какой обед, как Саймон удивил меня.

– Думаю, ты должна с ним встретиться. Пофлиртовать немного. Я знаю, что дальше этого ты ни за что не пойдешь, потому что ты такая, какая есть. Но он – очень важный для нас человек. Он чрезвычайно богат и к тому же никогда не давал журналистам разрешения на то, чтобы снять фильм о его благотворительной деятельности. Это была бы неслыханная удача! Ты должна научиться использовать свои активы, дорогуша. Ты явно недооцениваешь силу своей привлекательности, и к тому же если можно применять мозги, чтобы вести дела с наибольшей выгодой, то почему нельзя использовать красоту?

И как тебе это, Имо? Не уверена, что имел в виду Саймон… возможно, он хотел намекнуть, что у меня маловато мозгов, но все же я так не думаю.

Может быть, это было рискованное решение, но в конце концов я договорилась с Хьюго о встрече. Я откладывала звонок так долго, как только могла, но все равно была не в состоянии думать о чем-то еще.

Мне хотелось выглядеть безупречно – по-деловому, но в то же время привлекательно, – и поэтому я выложила кругленькую сумму за костюм от Донны Каран и роскошные серые замшевые сапоги. Я решила оставить волосы распущенными, они немного вьются от природы. И чувствовала я себя великолепно.

Таксист целую вечность бубнил что-то об «Арсенале» и «Манчестер Юнайтед», о матче в какой-то там лиге, а я вежливо изображала интерес – ну, как это обычно делается. Но на самом деле больше всего мне хотелось закончить разговор и сосредоточиться на том, что ожидало меня впереди. Мы повернули на Эджертон-Кресент. Что за чудесная улица! Мне ужасно понравились эти красивые белые дома; они казались такими чистыми и ухоженными, как будто отмытыми, даже в серый февральский день.

Конечно, я волновалась. Когда я бежала по подъездной дорожке к дому – накрапывал дождь, – в животе у меня словно порхали бабочки. Но при виде женщины, которая открыла мне дверь, я тут же почувствовала себя деревенской замарашкой – и это несмотря на мой прекрасный новый костюм. В ней чувствовался настоящий класс; такое достигается только долгими годами практики и только если покупать одежду в правильных магазинах. На ней определенно была Шанель, и я подумала, что совершенно не дотягиваю до такого уровня. Но все равно, поджимать хвост и убегать я не собиралась, поэтому протянула руку и улыбнулась самой ослепительной из своих улыбок:

– Здравствуйте, я Лора Кеннеди. У меня назначена встреча с сэром Хьюго Флетчером.

Ее ладонь оказалась на удивление вялой. Я никогда не знаю, как поступить, когда кто-то просто роняет свою руку в твою? Что я должна делать? Уверенно сжать ее, как следует потрясти или ответить тем же – безжизненно повесить свою руку? Я выбрала компромиссный вариант – легкое пожатие в надежде, что это именно то, что нужно. Меня явно оценили и, кажется, нашли недостаточно хорошей. Она, конечно, не смерила меня уничижительным взглядом, но ее лицо было таким высокомерным и слегка презрительным, что я все поняла.

– Доброе утро, мисс Кеннеди. Я Джессика Армстронг, личный помощник сэра Хьюго. Он вас ожидает. Пожалуйста, входите.

Она проводила меня в офис Хьюго. Когда я вошла, он встал из-за стола, чтобы поприветствовать меня. В таких офисах мне бывать еще не приходилось. Там были темнозеленые стены, увешанные классическими картинами, и мебель из ореха, явно антикварная. Письменный стол был огромным, и на нем не валялось ни единого постороннего листочка; только стопка промокательной бумаги, совершенно чистой, без закорючек или глупых рисунков (что говорит об удивительном самообладании владельца!!), и серебряный чернильный «Монблан», лежащий строго параллельно. Да, еще на столе лежал огромный ежедневник, переплетенный в кожу; текущий год был вытеснен золотом. Слава богу, что я не пригласила его в свой офис. Мой является полной противоположностью этому – во всем.

Хьюго обошел стол.

– Добро пожаловать, Лора. Надеюсь, вы не против, что я называю вас просто по имени?

Я удивилась так, что даже не сразу нашлась с ответом.

А как еще он мог бы меня называть?

– Я рада, что мы с вами наконец встретились. Конечно, называйте меня Лора, мне будет очень приятно. Но должна признаться, я понятия не имею, как мне называть вас!

«Господи, до чего глупо! Ну почему этот мужчина заставляет меня так нервничать?» – подумала я.

Он ласково улыбнулся:

– Надеюсь, мы с вами станем хорошими друзьями, Лора, поэтому называйте меня Хьюго. Садитесь, пожалуйста. Джессика сейчас принесет кофе, и у нас с вами будет час на то, чтобы обсудить все деловые вопросы. А потом я с огромным удовольствием отвезу вас пообедать.

Хьюго рассказал мне о своей благотворительности – знаешь, он говорил об этом с таким чувством! Было безумно приятно просто сидеть и слушать. Оказывается, он унаследовал «довольно приличное состояние» от своего отца, большей частью в виде недвижимости. Сейчас ею управляет его компания в Кэнэри-Уорф. Но Хьюго предпочитает все время, какое только возможно, отдавать своему благотворительному фонду. Они помогают молодым женщинам, которых жизнь вынудила заняться проституцией. Ну разве это не настоящее доброе дело? Я спросила, почему он выбрал именно такой вид деятельности, и он рассказал мне совершенно потрясающую историю. Я даже попросила разрешения записать ее на диктофон и потом использовать в документальном фильме. Он дал согласие на диктофон, но сказал, что не уверен насчет фильма. Как бы там ни было, вот что он мне рассказал:

– Несколько лет назад выяснились довольно конфузные подробности семейной истории. Наше состояние, разумеется, передавалось по наследству, но, как оказалось, мы обязаны им торговле рабами в девятнадцатом веке. Мой прапрадед не проникся Актом о запрете работорговли и продолжал заниматься

этим в различных частях Британской империи вплоть до середины века. Полученные таким незаконным образом деньги он вкладывал в недвижимость. О моем прадеде, то есть его сыне, тоже ходили разные слухи – якобы он неплохо нажился на проституции. Но мы так и не смогли разузнать ничего конкретного. В те времена считалось, что работающие девушки принадлежат к низшему сословию, а про прадеда говорили, что он открыл пару клубов для своих богатых друзей с «чистыми» девушками. У меня нет доказательств, но, учитывая, что тогда в Лондоне на двенадцать взрослых мужчин приходилась одна проститутка, я бы не удивился. И вот этот факт, кстати, действительно мог бы послужить отличной темой для документального фильма.

– И поэтому вы решили помогать проституткам? – спросила я.

– Ну, рабам я помочь уже вряд ли смогу. Эта история стала известна еще при жизни моего отца, так что идея возникла в первую очередь у него, а я ее развил. Я назвал этот фонд «Аллиум».

Я обожаю аллиумы! Хьюго сказал, что они принадлежат к семейству луковых. Ты это знала?

– Мне нравится эта аналогия, – сказал он. – Из довольно непривлекательной, неприятно пахнущей луковицы, посаженной в землю, вырастает сильный, прямой стебель, а на нем распускается чудесный сложный цветок. И еще мне нравится думать, что здесь есть некая параллель с прошлым этих девушек – то, что находится под землей и не видно глазу, малосимпатично, но при должном уходе оно раскроет свой потенциал, и мы получим восхитительные результаты.

Из всего, что он сказал, я не могла не сделать вывод: он не просто сногсшибательный мужчина, но еще и чувствительный, сострадательный человек. И еще мне показалось, что я не должна была с ним встречаться. Это было… очень опасно.

Через какое-то время мы отправились в ресторан, и он оказался именно таким, каким я себе и представляла: роскошное место, словно созданное для уединения, со сдержанным и неброским декором в серовато-бежевых тонах. Нас проводили к нашему столику, Хьюго жестом остановил официанта и сам отодвинул для меня стул. Потом удостоверился, что мне удобно, и только после этого сел сам. Официант принес меню, но Хьюго махнул ему рукой.

– Скажите мне, что вам нравится, Лора? Какую еду вы любите больше всего и какое вино ваше самое любимое?

Никто прежде не спрашивал меня об этом, и я даже не знала, с чего начать.

– Ну хорошо. Тогда скажите мне, что вам не нравится.

Мне мало что не нравится, ты знаешь, поэтому список был очень коротким. Но пока говорила, я чувствовала, что ему действительно интересно. И тогда я постаралась припомнить, какие из блюд, что мне приходилось пробовать, понравились мне больше всего. Время от времени он мне что-то подсказывал, а минут через десять снова подозвал официанта и сделал заказ, так и не заглянув в меню. Это было впечатляюще! Он сразил меня наповал.

– Я очень рад, что вы позволили мне заказать за вас, Лора. Я считаю, что это большая честь – позаботиться о даме, тем более такой прекрасной, как вы. Мне кажется, в наши дни все меньше и меньше женщин готовы передать в руки мужчины контроль над ситуацией.

Честно говоря, я тут же представила себе, как он берет в свои руки контроль над ситуацией… весьма ярко и в деталях. Но тут он произнес два ужасных слова, и меня словно окатили холодной водой.

– Моя жена – а я уверен, вы в курсе, что я женат, – любую мою попытку повлиять на ее решения воспринимает как личное оскорбление. Она ни за что не согласится с моим мнением из принципа. И чтобы сделать назло мне. – Он чуть заметно улыбнулся.

Потом он открыл мне свой секрет – и именно по этой причине я не могу никому ничего рассказать, даже тебе. Он собирается развестись. Но не хочет, чтобы подробности процесса стали достоянием общественности. У него есть маленькая дочка, Алекса, и он ее обожает. Жена согласилась на совместную опеку, и он уже не живет в их общем доме. Его мать недавно умерла, поэтому он переехал в дом своей семьи.

Я не знала, следует ли мне выразить соболезнования в связи со смертью его матери или сожаления по поводу неудавшегося брака. Но я изо всех сил попыталась скрыть свое волнение. Однако от того, что он сказал дальше, у меня

буквально закружилась голова.

– Я рассказываю вам все это, Лора, потому, что, хотя мы с вами совсем недавно познакомились, меня очень влечет к вам. На церемонии награждения вы показались мне ослепительной, а сегодня выглядите просто потрясающе. Мне очень нравятся ваши волосы.

Я посмотрела в его глаза (темно-синие, как я и думала), и мне показалось, что у меня в крови забурлили пузырьки, как от шампанского. Я ничего не ответила. Конечно, я выключила диктофон, как только мы закончили обсуждать благотворительный фонд и дела Хьюго, но помню каждое его слово. По крайней мере, те, которые касались «нас». Они как будто запечатались мне в память!

– Я бы хотел продолжать видеться с вами, Лора, если вы позволите. Наши встречи не должны быть публичными, и какое-то время нам с вами придется держать их в тайне. Пока все более или менее не утрясется. Но обещаю вам, Лора, я буду относиться к вам с величайшим уважением и почтением.

Ну вот… поэтому я не могу послать тебе это письмо, Имо. Может быть, ты так никогда его и не прочитаешь. Все зависит от того, как будут развиваться события. Но хочу тебе сказать – первый раз в жизни я была бы рада пригласить мужчину к себе домой после первого же свидания!

С любовью, как всегда,

Лора.

Имоджен дочитала письмо Лоры до конца.

Конечно, все это было ей уже известно. Она знала, как и где Лора познакомилась со своим мужем, и помнила, что она была совершенно без ума от Хьюго. Но это было очень давно, и с тех пор произошло так много всего… поэтому она была рада, что Лора начала с самого первого письма. Это позволяло увидеть все дальнейшие события в перспективе.

На какое-то мгновение Имоджен засомневалась, хочет ли она прочитать и остальное. Сейчас она предпочла бы просто посидеть и подумать. О прошлом, о Лоре, об Уилле, но больше всего о Хьюго.

Глава 7

Никто не сомневался, что тело, находящееся в морге, действительно принадлежит Хьюго Флетчеру, но тем не менее нужно было выполнить формальности. Лора сделала то, что от нее требовалось, тихо и без каких-либо эмоций. Получив подтверждение тому, что было известно и так, Том предложил ей вернуться вместе с ним в штабквартиру. Ему показалось, что было бы как-то бессердечно отправить Лору обратно в Оксфордшир, не предложив ей даже чаю или кофе.

Он проводил Лору в свой кабинет – по размерам помещение напоминало скорее коробку из-под обуви, – усадил ее за более или менее опрятный письменный стол и сел напротив. В дверь осторожно постучали.

– А вот и чай. Боюсь, что он, в общем, так себе, но все же это жидкость, и она горячая. Нам еще нужно задать вам несколько вопросов, но я думаю, вы захотите посидеть в тишине и собраться с мыслями, поэтому пока оставлю вас. Сержант Робинсон – вы познакомились с ней вчера вечером – зайдет сюда, чтобы с вами побеседовать. Через некоторое время. Еще я должен буду поговорить с вами более детально, но это позже. Вас отвезут домой, в Оксфордшир, а мы прибудем потом, если вы не возражаете.

– Не могли бы вы задать мне эти вопросы сейчас? – тихо спросила Лора. – Я бы хотела закончить с этим как можно скорее.

– К сожалению, у меня есть некое дело, назначенное на восемь, и я буду пару часов занят.

Лора прямо посмотрела на него, и Том удивился твердости ее взгляда. Хотя сегодня на ней были очки, он видел, что ее глаза больше не были красными от слез. Говорила она по-прежнему тихо, но в ней чувствовалась некая решимость,

которой вчера не было.

– Инспектор, насколько я понимаю, у вас есть еще пятнадцать минут до того, как вы уйдете – видимо, вы будете присутствовать при вскрытии тела моего мужа. Вы считаете, нам стоит тратить время и еще раз пережевывать то, что вы и так знаете? Вчера я была в шоке и не могла как следует отвечать на вопросы, но я хочу помочь вам всем, чем могу.

– Вы уверены, что не хотите немного отдохнуть, леди Флетчер?

– Нет, спасибо. Я бы действительно хотела быстрее со всем закончить. И если не возражаете, предпочла, чтобы вы называли меня Лора. Мне никогда не хотелось, чтобы в обращении ко мне люди использовали титул. Теперь Хьюго больше нет, и я бы хотела избавиться от этого официоза. Не так уж давно все называли меня просто Лора – начиная молочником и заканчивая моими клиентами. А теперь, кажется, это самая трудная вещь на свете – убедить кого-то звать меня по имени.

Том несколько удивился, но решил все же дать Лоре немного времени – независимо от того, нужно ей это или нет. Почему сегодня она совсем другая? – подумал он. Единственная причина, которая приходила ему на ум, – это то, что она хочет развязаться с расследованием и полностью отдаться скорби.

– Хорошо, значит, Лора. Пожалуйста, называйте меня Том. Я пойду найду сержанта Робинсон – Бекки, – и те десять – пятнадцать минут, что у нас остались, мы посвятим вопросам и ответам. Прошу меня извинить, я вернусь через минуту.

Он вышел, оставив Лору одну с ее чашкой чая. Нужно было обсудить с Бекки тактику допроса, но главное – предупредить о перемене в настроении Лоры.

Однако к тому времени, как они снова вернулись в кабинет, Лора, казалось, обрела прежнее состояние духа. Она замерла на стуле, глядя в никуда, и ее мысли явно были за много миль отсюда. Том обошел стол и сел на свое место; Бекки подвинула стул и устроилась сбоку. Лора обернулась и чуть не вздрогнула, как будто удивилась, что в комнате есть кто-то еще. Том заметил, что она как бы внутренне подобралась, выпрямила спину и расправила плечи.

– Итак, Лора. Я хочу вкратце подвести итог тому, что мы имеем в настоящий момент. Пожалуйста, не стесняйтесь меня прерывать и спрашивать обо всем, что вам непонятно. Когда мы будем в Оксфордшире, нам понадобится просмотреть вещи сэра Хьюго, возможно, мы найдем что-нибудь, что поможет нам определить мотив убийства.

– Хорошо. Пожалуйста, когда вы говорите о моем покойном муже, называйте его просто Хьюго. Хотя ему бы это точно не понравилось. Титулы – это что-то вроде их семейного помешательства. Но ведь его с нами нет, и он ничего не узнает.

Если вчера Том решил, что Лору Флетчер непросто разгадать, то сегодня она была сплошной загадкой. Она словно построила стену вокруг своего горя, и как только в этой стене появлялась малейшая трещина, она тут же ее заделывала. Теперь, чтобы укрепить свои силы, она пыталась подогреть в себе неприязнь к умершему супругу. Том знал, что гнев и обида на умершего являются естественной реакцией на ранних стадиях и помогают человеку справиться с горем. Поэтому он охотно отбросил все формальности – лишь бы Лора чувствовала себя более комфортно.

– Нам известно, что Берил Стаббс обнаружила вашего мужа – Хьюго – около 12.45. Это приблизительное время; она была в шоке, разволновалась, растерялась и позвонила в полицию только примерно в 1.45. Местная полиция прибыла на место около двух часов. По нашим оценкам, смерть наступила между 11.30 и 12.00. Миссис Стаббс вошла в дом меньше чем через час после того, как скончался ваш муж. Если бы она не пропустила первый автобус из-за ссоры со своим супругом, весьма вероятно, что она попала бы как раз на момент совершения убийства.

Том слегка улыбнулся, чтобы немного разрядить обстановку.

– Берил нравится винить мужа всегда и во всем, но в данном случае он, возможно, спас ее жизнь.

Лора сильно побледнела. Без сомнения, ей было тяжело слышать все эти подробности, и в возведенной ею стене появилась брешь.

– Не хотите еще чаю, Лора? – участливо спросил Том.

– Нет, все нормально. Прошу вас, продолжайте.

– Хорошо. У нас есть свидетель, сосед, который видел, как кое-кто выходил из дома. – Том сделал паузу. Нелегко сообщать жене подобную вещь. – Мне очень жаль, наверное, вам будет неприятно узнать, но это была женщина. С длинными рыжими волосами, в черной кожаной юбке, с большой сумкой на плече. У вас есть какие-нибудь предположения, кто бы это мог быть?

Он снова замолчал и посмотрел на Лору. Она чуть откинула голову, глядя в потолок и прикусив верхнюю губу, чтобы та не дрожала. Однако ему еще предстояло сообщить ей самое неприятное.

– Опять же мне очень жаль, но у нас есть основания полагать, что мотивы убийства носили сексуальный характер, поэтому нам так важно узнать, кто была та женщина. Я понимаю, что вам нелегко, но любые ваши предположения были бы для нас очень и очень ценны.

– Вы знаете о благотворительной деятельности моего мужа. Ему приходилось иметь дело с множеством женщин. Возможно, это была одна из них. По описанию я никого не узнаю. Извините, в этом я вам помочь не могу.

Она так и не нашла в себе сил встретиться с ним взглядом. Вместо этого Лора опустила голову и уставилась на лежавшие на столе бумаги. Неизвестно, что хуже, подумал Том. Знать наверняка, кто это мог быть, и не удивиться или ничего не знать, понятия не иметь, что в жизни мужа были другие женщины – или одна женщина, и получить тяжелый удар?

Лора первая нарушила неловкое молчание:

– Вы уже узнали, от чего он умер?

– Пока мы не уверены, но будем знать точно немного позже. Разумеется, я буду держать вас в курсе.

Том помолчал, пытаясь поаккуратнее сформулировать следующий вопрос:

– Ваша гостья… та, что приехала к вам вчера вечером… это ведь ваша невестка, так?

– Бывшая невестка, если точнее. Она была женой моего брата, но они уже давно развелись.

Том кивнул:

– Кажется, вы очень удивились и рассердились, когда она появилась.

Сейчас было не время для закрытых вопросов; Том хотел услышать не односложный, а развернутый ответ. Лора тоже помедлила, подбирая слова.

– Мы с Имоджен были лучшими подругами в течение многих лет. Но мы поссорились, когда они развелись с моим братом. С тех пор она ни разу не была в Эшберипарк. Поэтому, конечно, меньше всего на свете я ожидала, что она приедет. Она живет в Канаде, и я никак не думала, что она вдруг соберется ко мне. Так что я просто очень удивилась, не больше.

Том знал, что Лора не просто удивилась, и ее объяснение его нисколько не удовлетворило. Он собирался снова вернуться к этому вопросу, но не сейчас. Сейчас нужно было разобраться с другими вещами.

– Раньше вы упоминали о благотворительной деятельности своего мужа. Все, что вы сможете нам сообщить об этом аспекте его жизни, в частности о его фонде, будет для нас неоценимой помощью. Нам удалось связаться с некоторыми из его служащих из офиса на Эджертон-Кресент.

Мы поговорили с Рози Диксон и Джессикой Армстронг, а один из наших коллег встретился с неким Брайаном Смедли. Как я понимаю, он является финансовым директором компании по управлению недвижимостью. Я знаю, что офис компании расположен в Восточном Лондоне, но Брайан, как я понял, пару раз в неделю приезжал на Эджертон-Кресент, чтобы встретиться с Хьюго. Конечно, мы еще опросим их всех, и подробно, но нам бы действительно помогло, если бы вы рассказали о благотворительности вашего мужа со своей точки зрения.

– Боюсь, я имела мало отношения к его работе. Когда мы только поженились, я попыталась предложить Хьюго свою помощь, но он считал, что мне лучше не работать и вести дом. Поэтому я обладаю только самым общим представлением о его делах.

– Жаль, что вы не были задействованы больше, – посочувствовал Том. – Уверен, вы были бы весьма ценным кадром.

– Я тоже так думала, но все сложилось другим образом. Что поделать.

– В таком случае поделитесь с нами этими общими представлениями.

– Фонд был основан еще отцом Хьюго, много лет назад, в Оксфордшире. Изначально его цель заключалась в том, чтобы помогать юным девушкам, которые в результате жестокого обращения в семье были вынуждены бежать из дома и оказывались на панели. Они считали, что проституция – это единственный способ выжить. Фонд занимался девушками, которые формально были достаточно взрослыми, чтобы покинуть дом с разрешения родителей… хотя у большинства никакого разрешения, конечно, не было. Каждый случай расследовался. Если девушка действительно не могла вернуться к родителям, фонд добивался у них специального разрешения на то, чтобы она жила отдельно. Я не знаю, как они это делали, угрозами или убеждениями… должно быть, с такими родителями было нелегко договориться. Затем фонд подыскивал девушкам другую семью, где они могли бы жить, а также работу – помощницы по хозяйству, горничной, официантки. Таким образом девушки получали возможность встать на ноги. Семьям, которые их принимали, оказывали финансовое содействие. Потом девушкам тоже много помогали, в том числе поддерживали морально, чтобы они не вернулись к прежней жизни.

Но за последние несколько лет сфера деятельности фонда значительно расширилась. Он очень разросся; когда Хьюго впервые рассказал мне о нем, фонд был гораздо меньше. Вы конечно же знаете о резком скачке проституции в Восточной Европе?

Том кивнул. Кое-какие факты ему уже были известны от членов команды, но услышать их в изложении Лоры было не менее интересно.

Он заметил, что когда Лора начала говорить о работе фонда, то необыкновенно оживилась, как будто судьба этих девушек была ей действительно небезразлична.

– Когда мы познакомились с Хьюго, его работа произвела на меня сильное впечатление. Помогать тем, кому не к кому было обратиться! Но по сравнению с этими тем девушкам еще повезло. Они знали язык и находились в своей родной стране. А тех девушек, которым фонд помогает сейчас, часто привозят в Англию против их воли или обманом. Им говорят, что они будут работать официантками или горничными. Иногда они думают, что получили контракт от модельного агентства, – и безумно радуются и надеются на прекрасное будущее. Потом, естественно, выясняется правда, и они понимают, что их жизнь фактически кончена. Их незаконно ввезли в страну и продали в сексуальное рабство. Цена девушки может достигать восьми тысяч фунтов, поэтому вербовщики получают хорошую прибыль. Но одна такая рабыня может заработать для купившего ее сутенера до восьмисот фунтов в день. Их заставляют заниматься сексом с двенадцатью, пятнадцатью, двадцатью мужчинами. Каждый божий день. Сбежать им практически невозможно. Теоретически они могут себя выкупить, но на самом деле собрать необходимую сумму тоже невозможно. У них отбирают все или почти все заработки. В стране они находятся чаще всего незаконно, поэтому даже если сумеют набрать денег, то как вернуться домой? Опять же если удастся сбежать, то как явиться в полицию? Они боятся за свою жизнь, их некому защитить. Кроме того, многие девушки не хотят, чтобы их отослали домой, не хотят возвращаться к жизни, от которой, как им казалось, они избавились навсегда. Они боятся мести со стороны своих соотечественников – тех людей, которые вывезли их из страны. И кроме того, знают, что им придется всю жизнь нести свой позор. Тяжелая ситуация, просто ужасная.

– В чем же заключалась помощь фонда? – спросила Бекки.

– У Хьюго была целая команда людей, которые находили таких девушек. Я думаю, что они прикидывались клиентами. Они убеждали девушек обратиться в полицию при содействии и поддержке фонда. Но это само собой предполагало высылку из страны, на родину, а как я уже сказала, многие этого не хотели. Если девушки отказывались от контакта с полицией, сотрудники фонда подыскивали им безопасное место и выкупали у сутенеров по невероятно высокой цене. Мне это, честно говоря, не очень нравилось; казалось, что единственным результатом тут будет то, что вербовщики ввезут в страну еще больше девушек. Но Хьюго утверждал, что я ничего не понимаю. Что мне не стоит думать об этом

аспекте… в общем, я действительно не знаю. Все же есть связь между предложением и спросом. Но выкупленным девушкам предоставлялось жилье в семьях, как и тем, с которых началась деятельность фонда «Аллиум».

– Примерно скольким девушкам удалось помочь? – поинтересовался Том.

– Их меньше, чем хотелось бы, конечно. Фонд помогал примерно ста – ста пятидесяти девушкам в год. Это зависело от того, сколько средств им удавалось поднять.

Ну и Хьюго, разумеется, переводил деньги из одного из своих трастовых фондов.

В дверь постучали, и в кабинет заглянул один из констеблей.

– Сэр, вас ждут – уже восемь часов.

Том извинился и еще раз поблагодарил Лору за то, что она согласилась приехать так рано утром. Он пообещал, что они будут в Оксфордшире так скоро, как только возможно. Пока он собирал кое-какие бумаги, которые были ему нужны, Бекки задала еще один вопрос. Том заметил, что рассказ Лоры ее действительно тронул.

– А что происходило с девушками потом, Лора?

– Что вы имеете в виду?

Том удивился. Резкий и как будто агрессивный тон Лоры совсем не соответствовал невинному вопросу.

– Ну, вы сказали, что они находили приют в семьях. Они просто жили там в течение какого-то установленного периода времени? В таком случае что происходило с ними потом, когда этот период заканчивался? Им помогали с разрешением на работу, паспортами и так далее?

– А, я понимаю. Это зависело от обстоятельств…

Окончания ответа Том так и не услышал – ему надо было спешить. Но в голосе Лоры ему послышалось что-то, странным образом напоминающее облегчение.

Глава 8

Лора с силой захлопнула за собой дверь и устало поплелась на кухню. Имоджен как раз завтракала. Пахло кофе и свежими тостами.

– Можно мне того же самого, Имо? Сегодня не самый мой лучший день, это точно.

– Что случилось? Ты опознала тело? Это было… ужасно, да? Надо было разрешить мне поехать с тобой.

Лора бросила на нее измученный взгляд и глубоко вздохнула:

– Незачем. Совершенно нет нужды держать меня за руку. Я в полном порядке и контролирую ситуацию. «Тело», как ты говоришь, – это всего лишь Хьюго. Он выглядел так, будто просто заснул, так что вся процедура оказалась не такой страшной или тяжелой, как я воображала. Но они стали расспрашивать меня про фонд, и я занервничала. Господи, я совсем запуталась. Я не знаю, как мне следует себя вести. Как жена, которая оплакивает смерть мужа, как чокнутая психопатка? Или просто быть самой собой? Такой, какой я когда-то была. Кажется, они считают, что я и то, и другое, и третье. И кажется, я сама больше не знаю, кто я.

Лора тяжело опустилась на стул и поставила локти на чисто выскобленный сосновый стол.

– На твоем месте я не стала бы об этом беспокоиться. Сейчас никто не ожидает от тебя «нормального» поведения – что бы это ни означало. Предполагается, что ты убита горем, поэтому нормально тут будет все, что угодно. Я думала, они приедут вместе с тобой. Что случилось, ты их напугала?

– Том должен был присутствовать при вскрытии, хотя он был очень деликатен и ничего об этом не сказал. Они скоро будут здесь, а потом поедут к Аннабел. Бог знает, что они сумеют узнать от восхитительной экс-супруги Хьюго. Ты ведь с ней никогда не встречалась, да? О, их ожидает настоящее наслаждение.

Лора взяла чашку с кофе, которую поставила перед ней Имоджен, и сделала большой глоток.

– Вообще-то они очень милые… полицейские, которые работают над делом. Внимательные, чуткие, а сержант, которую ко мне прикомандировали, чтобы она везде меня сопровождала и опекала, – как раз то, что мне необходимо в данный момент – расчувствовалась, когда я рассказала о том, чем занимается «Аллиум».

Имоджен подняла бровь и улыбнулась:

– По-моему, ты забыла упомянуть невероятно привлекательного старшего инспектора. Красавчик, тебе не кажется? А какая на нем вчера была сексуальная футболка! И джинсы… само совершенство.

– Господи, Имо. Сейчас у меня на уме совсем другие вещи – не знаю, может, ты не заметила? В любом случае сегодня он выглядел совсем по-другому. Строгий костюм – судя по виду, дорогой, кстати, галстук, все очень поделовому. Бекки сказала, что вчера у него должен был быть выходной, поэтому он так и оделся. Но даже если бы я призналась, что считаю его самым сексуальным мужчиной на земле… давай по-честному. Ну кто на меня теперь польстится?

К счастью, в дверь громко постучали, и это избавило Имоджен от необходимости отвечать.

– Я открою, – быстро сказала она. – Наверное, опять журналисты. Хоть бы они уже оставили тебя в покое. У ворот дежурит полицейский, но ему, судя по всему, можно скормить любую историю, он всему верит. Не надо было давать ему код. Сегодня нам уже столько раз «доставляли цветы» – я сбилась со счета. Уверена, в большинстве букетов были еще и скрытые микрофоны. Кстати, я уже неплохо научилась грубо посылать.

Имоджен вышла. По вымощенному каменными плитами коридору процокали ее каблуки, затем звук шагов удалился, и все стихло. Через пару минут тишину

пронзил истеричный детский голос:

– Где Лора? Мне нужна Лора!

Кажется, Имоджен так и не удалось ничего ответить, потому что уже через секунду в кухню влетела красивая девочка, с размаху бросилась к Лоре в объятия и повисла у нее на шее. Ее хрупкое тело сотрясалось от рыданий.

Лору вдруг затошнило. Алекса не заслужила таких страданий. Бедная девочка обожала отца, едва ли не боготворила его. Она подняла голову и встретилась взглядом с женщиной лет тридцати, которая застыла в дверях; ее глаза были красными и распухшими, хотя она и не плакала. Лора и женщина в упор посмотрели друг на друга, но не обменялись ни словом.

– Алекса, моя милая, мне так жаль. Очень, очень жаль. Я знаю, как сильно ты его любила. И он тоже тебя любил, ты знаешь. Он бы очень расстроился, если бы видел сейчас, как ты плачешь.

Лора понимала, что нет таких слов, которые могли бы утешить Алексу, поэтому просто прижала девочку к себе и стала легонько поглаживать ее длинные светлые волосы. Двенадцать лет – слишком юный возраст для такой боли.

Через несколько минут рыдания немного утихли. Не отпуская Алексу, Лора снова подняла голову:

– Ханна, что вы обе здесь делаете? Разве Алекса не должна быть со своей матерью?

– Аннабел уехала к своему адвокату. Она сказала, что ее не будет большую часть дня, а девочка не желала оставаться одна. Она так хныкала, я просто не знала, что с ней делать. В любом случае приехать сюда – это была ее идея, а не моя.

Лоре частенько хотелось влепить Ханне пощечину, но теперь это желание стало просто нестерпимым. Может быть, все же стоит это сделать. Можно будет списать все на шок и отчаяние.

В кухню незаметно вошла Имоджен. Ей не хотелось встревать, пока Алекса немного не успокоится, но, услышав слова Ханны, она не выдержала:

– Я все правильно расслышала? Ее мать уехала и бросила девочку одну? Какого черта…

Лора предостерегающе покачала головой, и Имоджен осеклась.

– Я сварю свежий кофе. А как насчет Алексы? Что тебе сделать, милая?

Алекса медленно обернулась.

– Кто вы? – спросила она.

Как это по-детски, подумала Лора, начинать сразу с того, что тебя интересует. Она решила ответить вместо Имоджен:

– Это Имоджен, моя хорошая. Она была женой дяди Уилла. Ты помнишь дядю Уилла? Вы встречались несколько раз, когда ты была поменьше.

– Он же твой брат, да? Он тоже уехал? Как ты, Лора? Когда ты уезжала?

– Нет, не как я, совсем не как я. Уилл инженер, и он работает в Африке. Уже несколько лет.

– А почему она не поехала с ним?

– Они развелись. Как твои мама с папой.

Алекса посмотрела на Имоджен:

– А почему я вас раньше не видела?

– Я жила в Канаде, Алекса. Я там родилась. Детство и юность я провела в Англии, но потом, когда развелась, решила вернуться обратно, к своим корням.

Что не совсем правда, отметила про себя Лора. Имоджен жила в Англии еще года два после развода, в напрасной надежде снова сойтись с Уиллом. Как раз до тех пор, пока он не уехал в Африку. К тому времени они с Лорой уже не разговаривали. Слишком далеко развели их события одной-единственной ночи. Но даже несмотря на то, что они не общались, Лоре все равно было больно узнать, что когда-то лучшая подруга возвращается в Канаду. Она всегда надеялась, что Хьюго смягчится и они помирятся.

– Лекси, солнышко, ты знаешь, что можешь посидеть тут со мной, если хочешь. Но у тебя очень усталый вид. Может быть, ты все-таки поднимешься наверх и приляжешь? Ханна принесет тебе попить чего-нибудь теплого и посидит с тобой, пока ты не заснешь. Я знаю, еще утро, но, наверное, слезы тебя совсем измотали. К тому же ты наверняка не спала прошлой ночью, так?

– Как я могла спать? Я все время думала про бедного папочку. Как кто-нибудь мог хотеть ему зла? Он был очень хороший, ведь правда? Нам было так здорово вместе. Он всегда говорил, что нас ничто не может разлучить.

– Я знаю, милая.

– А ты поднимешься ко мне наверх? Пожалуйста, Лора. Ты расскажешь мне какую-нибудь историю про него?

– Конечно. Иди, я скоро приду.

Как только Алекса и Ханна вышли, Имоджен подошла к двери и прикрыла ее плотнее.

– Ты была права насчет Алексы. Она чудесный ребенок и гораздо симпатичнее, чем на фотографиях, которые ты мне показывала. Даже несмотря на все эти слезы и распухшее лицо. Теперь я понимаю, почему ты ее так любишь. Бедная мышка, ей так тяжело. Трудно поверить, что ей двенадцать лет, кстати. На вид она совсем еще девочка. Но что это за история с Ханной? Ты ее явно недолюбливаешь.

Лора не ответила, ожидая, что Имоджен догадается сама.

– А-а-а… Так это няня Ханна! Та самая! Да?

– Да, та самая. Она во всем подчинялась Хьюго и не видела ничего дальше собственного носа. Она все еще живет с Аннабел, но платит ей Хьюго. Вернее, платил.

Лора замолчала – ей в голову пришла новая мысль.

– Ага. Интересно, интересно. Куда же она теперь денется? Ни за что не поверю, что Аннабел будет платить ей из собственного кармана. Я бы точно не стала. Может быть, Хьюго оставил насчет ее распоряжения в своем завещании?

– А у тебя вообще есть какие-нибудь идеи насчет его завещания? Я имею в виду, ведь все это семейное состояние, поэтому, наверное, оно отойдет Алексе? Видимо, тебе это никогда и в голову не приходило, верно? – Как всегда, Имоджен сразу перешла к сути вопроса.

– Может быть, тебе это тоже не пришло в голову, но в последние двадцать четыре часа мне было о чем подумать, Имоджен. До завещания я как-то не дошла. Хотя, когда имеешь дело с Хьюго, следует ожидать самого неожиданного.

Ядовитый ответ не сбил Имоджен с толку.

– Кстати, о неожиданном. Тебе звонили утром. Стелла. Она едет сюда.

– Черт! Вот только мамы мне сейчас не хватало! Она же еще вчера должна была отправиться к Уиллу! Я сама купила ей билет? Что она здесь делает?

– Ты же знаешь, что она за человек, Лора. У нее появились какие-то опасения насчет малярии. Она принимала таблетки, как было прописано, но ей почему-то показалось, что этого времени недостаточно. Поэтому она решила отложить поездку на неделю, на всякий случай. Она сказала, что ты купила ей билет с открытой датой, поэтому просто поменяла день вылета.

– О господи. Почему, ну почему я не купила ей обычный билет! Сейчас она уже улетела бы и не участвовала во всем этом.

Мама никогда не испытывала к ней любви и не считала нужным притворяться, и сейчас Лора вполне могла бы обойтись без ее присутствия. Ее ожидали непростые дни, и она содрогнулась от мысли, какой допрос устроит ей мама, когда узнает, что в жизни Хьюго была другая женщина. Она схватила кофейник и налила себе полную чашку, не обращая внимания на то, что кофе уже остыл. Потом села за стол и посмотрела на Имоджен, которая все еще стояла, прислонившись к дверному косяку.

– А что, Уилл ничего не сказал тебе об этом вчера, когда вы разговаривали?

– Он просто сказал, что сам расскажет все матери. Наверное, он думал, что ты уже в курсе насчет перемены билета. А потом, ты же знаешь, как он со мной разговаривает… или, возможно, как раз не знаешь. Он говорит очень коротко, отрывисто и только по существу. Он сказал, что сейчас у него нет времени на долгие беседы и что он сообщит тебе, когда сможет прилететь. Я иногда звоню ему… изредка. Просто чтобы узнать – может быть, он ко мне переменился. Но все это напрасная трата времени.

Лоре вдруг стало очень жалко Имоджен. Она как будто всей кожей почувствовала ее глубоко запрятанную грусть.

– А ты еще будешь здесь, когда он приедет, Имо? Тебе же, наверное, надо возвращаться на работу?

– Я уже поговорила со своим боссом. У меня с собой ноутбук, а у тебя есть вай-фай. Я могу пожить у тебя столько, сколько нужно, – по крайней мере, до похорон точно.

Боже мой, еще ведь похороны, подумала Лора. Надо и об этом позаботиться. Может быть, стоит поручить это маме. Пусть займется, это ее отвлечет.

– Я понятия не имею, когда будут похороны. Не знаю, когда они выдадут тело – это же убийство, и они занимаются расследованием. Но ладно, ты все равно уже приехала, хотя не должна была… поэтому можешь остаться. – Осознав, что это прозвучало довольно грубо, Лора быстро заговорила дальше: – Слушай, Имо, если ты не возражаешь, я пойду и посижу с Алексой. А потом приму ванну.

Мне надо немного подумать.

– Не хочешь дать мне еще что-нибудь прочитать?

– А ты уверена, что сама этого хочешь? Это не обязательно, ты же знаешь.

– Может быть, и не обязательно, но я хочу во всем разобраться. Если это не доставит тебе неприятных эмоций.

– Доставит… но я думаю, это все равно нужно сделать. Следующее письмо достаточно важное, учитывая, о ком мы только что говорили. Но только, Имо… что бы ты ни узнала, что бы ты обо всем этом ни думала, пожалуйста, я тебя умоляю – давай не будем об этом разговаривать.

Глава 9

Март 1998 года

Дорогая Имо, ну что я могу сказать? Только «черт возьми, мама!!!». Черт возьми!! Я ее обожаю, но в эти выходные с радостью могла бы задушить, честное слово! Она думает, что такая проницательная и все понимающая, но на самом деле причиняет мне боль. Я привезла тебе письмо – то самое, первое. Но потом, после всего, что наговорила мама, мне показалось неправильным отдать его тебе. Моя радость как будто испарилась. Поэтому я решила, что напишу тебе еще одно, – и я точно знаю, когда тебе его отдам. Когда ты познакомишься с Хьюго и сама поймешь, как не права была мама!

Я так давно всех вас не видела – тебя, Уилла, маму и папу – и безумно ждала нашей встречи. Все в моей жизни было идеально, и погода стояла прекрасная – просто невероятная для конца марта, точно под стать моему настроению. На дорогах было свободно, и я получила огромное удовольствие от поездки. А позвонив в дверь, услышала обычное мамино ворчание – не сердитое, а так, по привычке. Ну, ты ее знаешь.

– Лора, почему ты просто не зайдешь сама? Это твой дом, в конце концов. Но нет, я должна все бросить и идти открывать тебе дверь, потому что у тебя, видите ли, какие-то странные принципы.

Ну конечно, на самом деле она совсем на меня не злилась. Она крепко меня обняла, и я ее тоже. Потом я спросила, где папа, и получила обычный ответ:

– Понятия не имею. Бог знает, где он обретается, а может, Богу это еще меньше интересно, чем мне. Давай заходи, а я открою бутылку вина. Время самое подходящее, тебе не кажется?

Время было совсем неподходящее, но нам обеим было все равно. Кстати, несмотря на все мамины замечания насчет папы, я уверена, что она точно знает, где он находится – абсолютно в любой момент. И если он думает иначе, то сильно ошибается. Маме приходится нелегко с отцом, и я ее очень хорошо понимаю. У него не так чтобы очень сильная воля и, боюсь, совсем небольшой запас совести. Но все равно он прекрасный папа, и кроме того, мне кажется, мама не собирается отказываться от своей уютной комфортной жизни только потому, что он бесхребетный человек. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Мы сели за стол, и выпили вина, и поболтали обо всем на свете. Почти. Я говорю «почти», потому что одной темы я старательно избегала. Мне хотелось приберечь ее для более подходящего момента. Но маму никак нельзя назвать глупой. Ну никак.

Мы немного поговорили о церемонии награждения. Думаю, ей было приятно услышать все из моих уст; и приятно, что я была там, в этом роскошном зале, среди богатых и знаменитых, и стояла на сцене. Потом она рассказала мне ваши с Уиллом новости (хотя я уже все знала, постаралась ничем себя не выдать). И все это время она смотрела на меня этим своим взглядом, как будто видела насквозь.

– Ну ладно, Лора. Хватит уже. Ты похожа на кошку, которая наелась сливок, и дело тут явно не в награде. Рассказывай, что случилось. Ты просто сияешь. Это мужчина, да?

– Ну как обычно! Я хотела рассказать вам всем позже, когда вы с Уиллом приедете на ужин…

Но мама как-то сразу поняла, что к чему. Мне пришлось ответить. У меня просто не было выбора. И кроме того, я уже не могла сдерживать свою блаженную

улыбку.

– Да, это мужчина. И на этот раз мне кажется, что все серьезно. Я влюбилась!

Мама так взволновалась! Она заявила, что до этого мне попадались только лодыри и придурки (прелестно, правда?) и что она ждет не дождется, когда я их познакомлю.

Упс. Я поняла, что все будет не так-то просто. Я попыталась объяснить, что пока мы не хотим никому говорить о том, что встречаемся. Мне разрешили рассказать своим родным, но мы еще не готовы поведать об этом всем на свете. Ну и, естественно, маме наши секреты не понравились. Для нее это было недостаточно «прямолинейно».

Тогда я сказала чуть больше:

– Дело в том, что он довольно известный человек. Мы встречаемся совсем недолго, всего несколько недель, и ему нужно еще кое-что уладить до того, как все узнает пресса.

Потому что тогда прохода нам не дадут.

Она снова оживилась:

– Известный человек? Ого! Кто это? Ну же, не держи меня в напряжении. Рассказывай.

Я попыталась спрятать самодовольную улыбку.

– Ну… может быть, ты о нем слышала. – Я сделала паузу, чтобы вышло поэффектнее. – Это Хьюго Флетчер. Знаешь такое имя?

По ее лицу я поняла, что имя она, конечно, знает, но эффект оказался не совсем такой, на какой я надеялась.

– Не может быть. Ты имеешь в виду сэра Хьюго Флетчера?

– Может. Как раз его я и имею в виду. Сэр Хьюго Флетчер, известный филантроп, магнат, мультимиллионер и абсолютно потрясающий мужчина.

От последнего замечания я просто не могла удержаться, но мама, кажется, даже не обратила на него внимания.

Она уже завелась:

– Конечно, я о нем слышала. Хотя мне и нет дела до его миллионов, и тебя, я думаю, они не должны заботить. И его титул тоже меня не впечатляет. Ему ведь пожаловали титул за благотворительную деятельность? Я прекрасно помню, что как раз перед этим нас прямо завалили передачами о нем и о его «добрых делах». И по радио, и по телевидению. От них буквально было некуда деться. Это была прямая самореклама, за которую он, несомненно, заплатил из этих самых своих миллионов. И вообще, если уж заниматься благотворительностью, надо делать это потому, что ты хочешь помочь людям, а не для того, чтобы получить титул.

Теперь ты понимаешь, почему я говорю – черт возьми, мама!! Но это было еще не самое худшее. Мы понастоящему поспорили. Я конечно же стала защищать Хьюго.

– Ты его совсем не знаешь, а уже осуждаешь! Публичность ему нужна как раз для того, чтобы привлечь внимание к благотворительности. Так он собирает деньги, а не рекламирует себя.

Надо было видеть ее лицо, Имо! Она сжала губы в тоненькую ниточку и смотрела на меня так пренебрежительно – знаешь, как будто все, что я говорю, – это полнейшая чушь. Ты знаешь это ее выражение, я больше чем уверена.

– Ну, это все, в общем, не важно. Потому что, если мне не изменяет память, он женат. Как ты могла, Лора? После того, через что мне пришлось пройти!

Что я могла ответить? Мы все знаем, что папа был порядочным бабником в молодости, но ведь это совсем другой случай! Это не какая-нибудь грязная интрижка. Хьюго любит меня, и он разводится с женой! Я постаралась донести все это до мамы как можно спокойнее.

– Так, мадам. Ну-ка, скажите-ка мне правду. Значит, ты причина этого развода? Он собирается назвать твое имя в суде? А потом, через некоторое время, бросит тебя и найдет себе кого-нибудь из своего круга?

Ну неужели она думает, что я вообще ничего не понимаю в людях? Я попробовала еще раз:

– Он разводится с Аннабел потому, что они слишком разные. Его мать недавно скончалась, и он хотел переехать в свой родной дом. Это дом его предков, так что, в общем, он даже должен это сделать. Его мать была дочерью графа, или что-то в этом роде, и получила в наследство имение Эшбери-парк в Оксфордшире. Оно было передано в трастовый фонд, чтобы дом мог переходить от одного наследника к другому. В общем, по закону Хьюго обязан там жить, я не знаю деталей. Но Аннабел отказалась. Он выставил ей ультиматум, но она сказала, что все равно этого не сделает.

Мама с отвращением фыркнула. Такой звук она обычно издает, когда ее не удовлетворяют папины объяснения. Помнишь?

– Это не причина для развода. Люди всегда улаживают такие вещи. Прости меня, Лора, но, по-моему, этот человек просто маньяк, который хочет контролировать всех вокруг. Он не сумел подчинить ее себе и поэтому решил развестись!

– Мама! Ну как ты можешь делать такие выводы, ничего не зная! Это всего лишь наглядный пример. К тому же они не спят друг с другом уже сто лет – примерно с тех пор, как родилась Алекса, их дочь.

– Ага, значит, у него и дети есть. Отлично. Лора, неужели я тебя ничему не научила? Конечно, он будет тебе говорить, что не спит со своей женой, потому что тебе это наверняка не понравится. Я не сомневаюсь – он и жене говорит, что не спит с тобой. Они все так делают, девочка моя. Но если два человека живут под одной крышей, я на что угодно поспорю – они спят вместе.

Все это было ужасно неправильно и несправедливо, и я почувствовала, что вот-вот расплачусь.

– Ты ничего не понимаешь. Он переехал из их общего дома в дом матери. И к твоему сведению – хотя вообще-то это тебя не касается, – мы еще не занимались

любовью!

И не собираемся, пока он не оформит развод.

Тут она замолчала. А потом сложила кончики пальцев и поднесла их к губам.

– Лора, милая. Ты хочешь сказать, что Хьюго – если я могу его так называть – такая ситуация устраивает?

Мне ничего не оставалось, кроме как сказать ей, что это была его идея. Не моя. У него есть на это свои причины, разумеется. Он все еще не разведен и не хочет, чтобы мое имя изваляли в грязи. Кроме того, Хьюго считает, что, если Аннабел узнает о том, что он с кем-то встречается, она попытается выжать из него больше денег в суде. Поэтому он не желает меня впутывать. Мне кажется, что это говорит о невероятной выдержке… но сдерживаться приходится прежде всего мне.

Маме все это явно показалось странным. Она снова фыркнула, но сдержалась.

– А тебя, Лора? Тебя это устраивает? – спросила она.

На самом деле меня это совсем не устраивало, хотя я и не собиралась ей признаваться. Я очень, очень хочу быть с ним, Имо. Я умираю от желания заняться с ним любовью. Но я уважаю его взгляды, и у меня совершенно не было желания показывать маме, что я чем-то недовольна. Но ее было уже не остановить.

– Ты не задавала себе вопрос – нормально ли это? Ты же не непорочная девственница, которую нужно оберегать от добрачного секса и опасностей, который он в себе таит?

Иногда мама действительно меня поражает!

– Слушай, Лора. Мне прекрасно известно, когда у тебя был первый секс и с кем. Я твоя мать. Это моя обязанность – быть в курсе таких вещей. Ты не шлюшка, но и не святая, и я знаю, что у тебя вполне здоровый сексуальный аппетит. А как насчет Хьюго?

Я никогда и не пыталась этого скрывать. Мне нелегко не приставать к нему… поэтому конечно же он знает.

– Нет, милая, ты меня неправильно поняла, – тихо сказала она. – Я имею в виду, у тебя-то нормальный сексуальный аппетит… А у Хьюго?

Вот почему мы были такими тихими за ужином. Я не смогла рассказать тебе обо всем этом, не отдала самое первое письмо, а теперь подавлена, и мне грустно.

Прости, Имо, ты, наверное, подумала, что я просто не в настроении и дуюсь на тебя. Но к тебе это не имело ни малейшего отношения. Абсолютно.

С любовью,

Лора.

Июнь 1998 года

Дорогая Имоджен,

как ты чувствовала себя перед тем, как вы с Уиллом поженились? Это такое время, когда тобой владеют самые разные эмоции, ведь правда? Мне кажется, каждая будущая невеста чувствует себя так же, как я сейчас.

Все движется, но очень неспешно. Хьюго уже развелся. Ему удалось сделать все очень быстро, и, конечно, об этом писали все газеты. Не сомневаюсь, что ты читала. Но обо мне не было сказано ни слова, как он и хотел. Он сказал, мы сделаем официальное заявление, когда придет время. Поэтому мы по-прежнему соблюдаем осторожность. Мы встречаемся за обедом, раза два или три в неделю, под предлогом того, что я работаю над фильмом о его фонде (хотя на самом деле он до сих пор не дал разрешения на съемку). А в остальное время общаемся только по телефону.

Мы почти никогда не остаемся наедине – разве что изредка, на полчаса в его офисе, если ему удается удалить куда-нибудь Джессику. Он говорит, что, если кто-то увидит, как я рано утром выхожу из его дома до нашей официальной

помолвки, это будет выглядеть как мерзкая интрижка.

И он еще не познакомился ни с кем из вас! У него самого никого нет, только Алекса. И до сих пор он все время говорил, что нам еще рано встречаться. Не знаю… ей всего два года. Не уверена, что она вообще поймет, кто я такая.

Ну да ладно. Насчет тебя, Уилла и папы с мамой – я много раз пыталась назначить дату, и хотя вы подтвердили готовность приехать в Оксфордшир и сделали это с радостью, Хьюго твердо отказывается и говорит, что очень занят. Я собралась попробовать еще раз. И вот, в один из дней – я знала, что он проводит тихий спокойный вечер в Оксфордшире, – после долгого, нежного телефонного разговора наконец решилась.

– Хьюго, мне очень важно, чтобы ты познакомился с моей семьей. Я хочу, чтобы они полюбили тебя так же, как люблю я.

– Дорогая, ты напрасно беспокоишься. Вот увидишь, они будут меня обожать! Уверен, они просто счастливы от того, что ты выходишь за меня замуж.

Хьюго явно не представляет себе, что за люди мои родители. И если он думает, что мама упадет в обморок от его громкого титула и общественного положения, то его ждет большой сюрприз. Но переубедить его я так и не смогла.

– Лора, я работаю с утра до вечера. Каждый день. И большинство вечеров провожу на каких-нибудь мероприятиях, связанных с благотворительностью. А в выходные ко мне приезжает Алекса. Поэтому мне важна каждая спокойная свободная минута, которую мне удается выкроить. Боюсь, это важное событие придется отложить. Кстати, об Алексе. Мне кажется, сейчас как раз подходящее время, чтобы вам познакомиться.

Ну честное слово! Я дико разозлилась. Правда, всего на пару минут. Конечно, я понимаю, что Алекса важнее – в конце концов, она ребенок, и я действительно очень хочу с ней познакомиться.

Я надеялась, что мы встретимся в Оксфордшире – я ведь еще даже не видела свой будущий дом! Все из-за того, что мы с Хьюго по-прежнему «скрываемся». Но это же скоро кончится, так что мне не о чем беспокоиться, да? Я много раз говорила ему, что могу приехать всего лишь на час-два – только чтобы взглянуть

на дом. Но он все время возражает: путь неблизкий, а потом надо будет ехать обратно… (Все это просто смешно. Дорога займет не более часа с небольшим. К тому же, если он так за меня переживает, всегда может прислать водителя.) В общем, он сказал, что в выходные поведет меня в мой самый любимый в Лондоне ресторан – на обед, разумеется. Он решил, что совсем скоро мы будем выходить в свет уже как официальная пара; я уверена, тогда все станет намного проще. Интересно, означает ли это, что мы станем парой во всех смыслах этого слова? Почему-то я не смею спросить его об этом напрямую. Как странно.

Но Хьюго очень обо мне заботится. Все время. Он знает, что, когда мы начнем появляться на светских мероприятиях, мне нужна будет одежда, которую я не могу себе позволить. Особенно вечерние платья. Поэтому каждый день мне на работу или домой приходит маленькая (или не очень маленькая, но всегда дорогая!) посылка. Иногда цветы, иногда какое-нибудь украшение, а иногда и одежда. Ты представляешь? Как это замечательно – найти мужчину, который будет лично ходить по магазинам и выбирать для тебя восхитительные, божественные платья? Он говорит, что заботиться обо мне – это одно из главных удовольствий в его жизни. Он, кажется, точно знает все мои размеры – одежды, обуви… всего! (Хотя пока он еще не покупал мне белье. Подозреваю, что в данных обстоятельствах он считает это неуместным и неприличным.) И что самое интересное, вещи, которые он мне дарит, настолько изысканны и выбраны с таким вкусом! Сама бы я так не смогла. Я начинаю думать, что раньше одевалась… может быть, слишком по?шло. Чересчур обтягивающие юбки, чересчур глубокие вырезы. Чересчур откровенно. Тебе так не кажется? Все, что он выбирает, – такое элегантное и утонченное. Вещи ему шьют на заказ, в одном из домов моды, соблюдая все его требования. Он явно знает, как все должно быть, и я думаю, лучше оставить это на его усмотрение. Мне еще столькому надо научиться.

Итак, возвращаясь к разговору об Алексе. Я спросила Хьюго, сказал ли он ей, что мы собираемся пожениться.

– Сначала я хочу, чтобы вы познакомились. А потом, когда убедимся, что ты ей понравилась, мы сможем ей об этом сообщить. Аннабел будет молчать – я ей так сказал.

Что, интересно, он имел в виду? Если я не понравлюсь Алексе, то мы не сможем пожениться? Нам требуется ее разрешение? Разрешение девочки, которой еще не исполнилось и трех лет? И с какой стати Аннабел будет делать то, что он

сказал?

По-моему, я становлюсь слишком раздражительной. Предсвадебное волнение и все такое. Хьюго – самый добрый человек, какого я встречала. Он щедрый, внимательный, у него безупречные манеры. Он безумно привлекательный. И он меня уважает. Он всегда звонит точно в то время, когда обещал. И в следующем месяце он представит меня обществу как «свою прекрасную будущую жену», выражаясь его словами.

Я подумала, что раз мы собираемся познакомиться с Алексой, то можно надавить на Хьюго насчет моего визита в Оксфордшир. Его ответ был вполне ожидаемым, так что мне самой непонятно, почему я так неприятно поразилась.

– Я думал на эту тему, дорогая. И мне кажется, лучше всего будет, если ты не увидишь дом до самого дня свадьбы. Свадьбу мы отпразднуем здесь, разумеется. Я с такой радостью введу тебя в этот дом в качестве леди Флетчер.

Я понятия не имела, что свадьба будет в доме. Мы назначили приблизительную дату на сентябрь, но Хьюго сказал, что всю организацию торжества он возьмет на себя. Сначала я даже не поняла, что он имеет в виду. В доме пройдет непосредственно свадебная церемония? Там есть собственная часовня?

– Нет, конечно нет. Но в деревне есть очаровательная церковь. Очень красивая. Мне придется поговорить с викарием, потому что я уже был женат однажды и могут возникнуть некоторые трудности. Но нет ничего невозможного, особенно если церкви требуется новая крыша или что-нибудь в этом роде. Полагаю, ты согласна с тем, чтобы прием был устроен в Эшбери-парке?

Конечно, это звучало просто великолепно… но я слабо представляла себе, как такое возможно. И кроме того, мама с папой не смогли бы позволить себе очень уж роскошное торжество. Хьюго усмехнулся:

– Не глупи, дорогая. Эшбери-парк – огромная усадьба. Она идеально подойдет и для свадебного приема, и для нашей с тобой жизни. Но тебе не нужно будет ни о чем волноваться. И твоим родителям, разумеется, тоже. Я сам обо всем позабочусь и все устрою, как только мы назначим точную дату. Все, что тебе нужно будет сделать, – это приехать в церковь!

Я не знала, что сказать. Хьюго такой заботливый. Но мне бы тоже хотелось участвовать! И мои родители, я уверена, хотели бы внести свой вклад в свадьбу единственной дочери. Но как я могла заявить ему это, не задев его чувств?

– Знаешь, Хьюго… мне очень и очень приятно, что ты готов взять все заботы на себя, но для меня было бы огромным удовольствием разделить их с тобой. Это ведь принято делать вместе, правда?

– Абсолютно не согласен. Тебе не о чем беспокоиться, дорогая. Ты должна всего лишь появиться и выглядеть великолепно. Пусть это будет моим сюрпризом! Даже не желаю слышать никаких возражений. Я хочу сделать это для тебя.

Таким образом, битва была проиграна, хотя, надо признаться, я не очень-то и сражалась. Он намерен сделать мою жизнь настолько беззаботной, насколько это возможно, и дать мне все на свете. Это очень мило, и мне не стоит все портить глупыми спорами.

Потом мы вернулись к теме нашего знакомства с Алексой. Было решено, что мы встретимся в следующие выходные. Хьюго привезет ее в Лондон.

Я очень хотела ей понравиться. Но никак не ожидала, что смогу влюбиться во второй раз за шесть месяцев!

Хьюго, как всегда, формально (но совершенно очаровательно) представил меня своей дочери:

– Алекса, я хочу, чтобы ты познакомилась с моей хорошей подругой. Это Лора.

Передо мной стояла самая красивая девочка, которую мне только приходилось видеть. Изящнейшее, прелестнейшее создание! У нее очень светлые волосы, почти белые, мягкие и волнистые, а оттенок ее глаз просто завораживает – нечто среднее между зеленым и карим. Она такая хрупкая, что мне все время хочется осторожно, очень осторожно взять ее на руки и нежно прижать к себе это маленькое тельце. Она смотрела на меня немного настороженно, и я постаралась растопить лед.

– Привет, Алекса. А у меня есть для тебя маленький подарочек. Хочешь открыть его и посмотреть, что внутри?

Я нашла для нее чудесную тряпичную куколку, одетую в бледно-розовое полосатое платьице и панамку. Она очень мягкая, то, что надо для маленького ребенка, и ее так удобно брать с собой в кроватку, если захочется.

Я никогда в жизни не видела, чтобы ребенок разворачивал подарок так, как Алекса. Она не стала нетерпеливо рвать бумагу, как всегда делали мы с тобой (я и до сих пор так делаю, если Хьюго нет рядом; при нем я стараюсь вести себя приличнее). Алекса аккуратно развернула обертку, а затем сложила бумагу и положила ее на стол. Явно не импульсивный ребенок! А потом она подняла голову, посмотрела на меня и улыбнулась. Ее лицо сияло от удовольствия, а улыбка была совершенно ангельской.

– Спасибо, Лора, – сказала она, без всякой отцовской подсказки. Невероятно!

Меня захлестнула нежность. Это была любовь с первого взгляда. Я точно знаю, что буду заботиться об этой крошке всю свою жизнь, как будто она моя собственная дочь.

С любовью,

Лора.

P. S. Вы все еще не познакомились с Хьюго! Поэтому я и продолжаю писать эти письма. Мы прочитаем их все вместе, потом, когда все уладится. Это будет так весело.

Глава 10

Дверь в кабинет босса была слегка приоткрыта, и Том заглянул внутрь. Они оба присутствовали при вскрытии, но через некоторое время суперинтендент ушел под предлогом того, что у него назначена встреча. Никто не любит вскрытия,

подумал Том.

– У вас есть минутка, Джеймс?

– Входите, Том. Я как раз освободился. Расскажите, что у нас новенького.

Джеймс Синклер отодвинул в сторону ворох бумаг и расчистил немного места на столе. Дело Флетчера было далеко не единственным, над которым он работал, но оно, несомненно, являлось самым важным. Том присел.

– Боюсь, пока особенно докладывать не о чем. Приезжала леди Флетчер и опознала тело. Она рассказала нам о благотворительном фонде Хьюго, и это было довольно интересно. Кстати, она попросила, чтобы мы называли ее просто Лора, а ее мужа просто Хьюго. Надеюсь, вы это переживете.

– Как вам известно, Том, я не большой сторонник панибратства в таких случаях. Если обращаться ко всем одинаково – к жертвам, подозреваемым, потерпевшим, – границы несколько стираются. И хотя Лора Флетчер, возможно, ничем себя не запятнала, мы не можем совсем вычеркнуть ее из списка подозреваемых.

– Вас понял. Дело в том, что она сейчас очень уязвима, и если мы будем настаивать на соблюдении формальностей вроде этой, она может окончательно замкнуться в себе.

– Хмм. Ну хорошо. Действуйте на свое усмотрение. Причина смерти уже известна?

– Да. Только что эксперты подтвердили, что ему ввели раствор никотина. Огромную дозу, в пах. А точнее, прямо в бедренную вену. Инъекции в эту область довольно популярны среди наркоманов. Так что здесь, несомненно, есть связь. Проституция плюс наркотики? Хотя я не совсем понимаю, что это нам дает.

– И кроме того, вряд ли наркоманы используют раствор никотина, – заметил Синклер. – Какова смертельная доза?

– Всего-навсего шестьдесят миллиграммов. А ему вкатили гораздо больше. Эксперты сказали, смерть должна была наступить очень быстро.

– Как можно раздобыть это вещество?

– Мы пока не знаем. Я немного порылся в Google – наверное, любой человек начал бы именно с этого, – но ничего полезного пока не нащупал. Говорят, что никотин можно растворить в водке и дать кому-нибудь выпить, но это не наш случай. Сейчас вопросом занимается один из наших ребят.

Синклер слегка улыбнулся – его позабавило выражение «порылся в Google».

– Что еще мы имеем? Как насчет шарфов?

– Скорее всего, отсюда ничего вытянуть не удастся. Они из «Тай Рэк», а магазины этой сети чуть ли не на каждой улице и в каждом аэропорту. Они, конечно, проверят базы данных по продажам, но такие шарфы продаются тысячами, так что вряд ли нам повезет.

Синклер набрал воздуха в грудь и медленно выдохнул:

– Ладно. Какие новости по женщине, которую видел сосед?

Том с сожалением подумал, что новости могли бы быть и получше. Ему было очень важно получить хорошие результаты по этому делу.

– Противоречивые. Эксперты исследовали рыжий волос, обнаруженный на месте преступления. Он настоящий, но выпал из парика. В этом они уверены. Волосы в парике вплетаются в своего рода шапочку-сетку, сделанную специально по мерке заказчика – во всяком случае, у дорогих париков. Так вот, этот волос как раз был вплетен в такую шапочку, на нем остались ее мельчайшие волокна.

Том перевел дыхание. Он подошел к самой неприятной части.

– Это означает, что о женщине, выходившей из дома, мы знаем только то, что она среднего роста и стройная. Поскольку она была в парике, поиски рыжеволосой леди в окружении Хьюго можно прекращать. Однако в этом есть и

небольшой положительный момент. Парик был сделан из натуральных волос, из чего можно сделать вывод, что он дорогой. Возможно, он был изготовлен по индивидуальному заказу. Можно отработать всех изготовителей париков – возможно, тут есть зацепка. Думаю, кстати, что их не так уж и много.

– Как насчет отпечатков? Вы сняли отпечатки у леди Флетчер сегодня утром?

– Да. К счастью, Берил недавно очень тщательно убрала дом и протерла все поверхности. Она называет это «большой осенней уборкой», а еще существует «большая весенняя уборка». Так что все, что мы нашли, было оставлено в предыдущие десять дней. Но здесь ничего особенно интересного. В спальне мы обнаружили отпечатки Берил, Хьюго и несколько – Лоры; хотя немного странно, отпечатки Лоры были только на двери в спальню и на дверце гардероба. Надо будет побеседовать с ней об этом. В гостиной тоже были отпечатки Хьюго, Берил и Лоры плюс отпечатки Джссики Армстронг, личного помощника Хьюго. Больше ничего.

Синклер постучал ручкой по столу.

– Я понимаю, что преступление было совершено меньше чем двадцать четыре часа назад, но нам все же нужно показать результаты. У нас все еще нет четкого мотива и нет настоящих подозреваемых. И взято из дома ничего не было, так?

– Абсолютно ничего. Там находилось несколько очень неплохих вещиц, которые можно легко продать, – их бы обязательно прихватили, если бы мотивом преступления было ограбление. Всякие штучки из серебра плюс несколько очень хороших картин. Сейчас там наши ребята вместе с домработницей – сегодня она, кстати, намного бодрее, чем вчера, – и она считает, что все на месте. Мы еще перепроверим все с Лорой, но пока никакой очевидной пропажи не выявлено. Через несколько минут мы выезжаем, чтобы поговорить с сотрудниками фонда, а затем направимся в Оксфордшир. Еще в планах на сегодня встреча с бывшей супругой Хьюго.

Вдобавок Том послал одного из своих ребят побеседовать с охранным агентством. Было вполне очевидно, почему Хьюго не захотел, чтобы телохранители находились рядом, пока он дома, но зачем вообще ему понадобились телохранители? Вероятно, он думал, что ему угрожает опасность – но от кого?

– Как вы думаете, Джеймс, зачем ему телохранители? У меня только одна версия – деятельность его фонда. Наверное, он разозлил парочку серьезных ребят. Нужно будет узнать, может быть, кого-нибудь он особенно сильно вывел из терпения? Настолько, что этот человек захотел его убрать или нанять кого-нибудь для этих целей. Не думаю, что это может быть связано с делами компании, управляющей недвижимостью. Хьюго в достаточной степени от нее дистанцировался, и там все, кажется, честно и открыто.

Синклер подпер подбородок рукой, уставился в пространство и задумался.

– Том… я прошу прощения за то, что повторяю очевидные факты, но мы можем быть уверены в том, что Хьюго знал эту женщину. Знал настолько хорошо, что пригласил ее к себе домой. Ясно, что предполагался секс в той или иной форме, поскольку он дал себя привязать без всякого сопротивления. И это было не случайное приключение. Значит, у него должна быть любовница. А если это так, то кто-то должен о ней знать. Как насчет семьи? С кем он был ближе всего?

Том с трудом сдержал стон. Он и сам без конца задавал себе те же самые вопросы. Нужно было во что бы то ни стало разыскать любовницу Хьюго, но, кажется, никто вокруг ничего не знал. Он надеялся и чуть ли не молился, чтобы кто-нибудь из фонда прояснил ситуацию, потому что больше спрашивать было некого.

– Кроме жены, дочери и бывшей жены, Хьюго общался только с теми, кто имел отношение к его фонду или бизнесу. Близких друзей у него не было. Когда мы беседовали с Лорой, я закинул удочку насчет возможных сексуальных связей ее мужа, но ничего конкретного она сказать не смогла. Тем не менее мне показалось, что это предположение ее не шокировало. У меня такое ощущение, что она о чем-то подозревала, и я собираюсь заняться этим поплотнее. Что касается прочих членов семьи, то отец Хьюго умер около сорока лет назад. Его мать скончалась в 1997 году, как раз перед тем, как они познакомились с Лорой. Еще у него есть сестра, Беатрис, но никто понятия не имеет, где она.

– Тогда как вам вот такая теория? – предложил Синклер. – Одна из этих восточноевропейских девочек снова вступает в контакт со своим сутенером. Угрозой или в обмен на что-нибудь он заставляет ее предложить свои услуги Хьюго. Она симпатичная девчушка, и Хьюго не может ей отказать. Она выполняет свою работу согласно плану, уходит и получает вознаграждение. Это возможно?

Том немного подумал.

– Девушки, которым помогает фонд, очень молоды, а свидетель подчеркнул, что это была женщина. Но в любом случае мы это проверим. Вы думаете, он бы привел эту девушку к себе домой? Я не говорю, что он не поддался бы искушению, но стал бы он делать это дома? Учитывая его положение и репутацию? Сейчас мы пытаемся выяснить, не появились ли у какой-то из девушек внезапно деньги или не исчезла ли вдруг одна из них. С этим работает Эйджей.

– Хорошо. В таком случае последний вопрос. Что вы думаете о невестке Лоры Флетчер? Нас всех удивил тот прием, который оказала ей Лора вчера вечером. Стоит ли копать в этом направлении?

Том кивнул:

– Несомненно. Лора отреагировала так агрессивно, что я, как и Бекки, подумал – уж не она ли та самая любовница? Но до сих пор я не учитывал ее всерьез из-за цвета волос. Я уже просил у Лоры объяснений и не собираюсь удовлетворяться тем, что она мне рассказала. Я так понимаю, что Имоджен Кеннеди все еще находится в Эшбери-парке, поэтому поговорю с ней сразу же, как только окажусь там.

Том вдруг подумал, что Имоджен как раз подходящего роста и, если бы на ней была обтягивающая черная кожаная юбка, от нее бы точно нельзя было оторвать глаз. Проблема заключалась в том, что среднего роста как раз большинство людей на планете. Теперь, когда цвет волос больше не мог считаться приметой подозреваемого, они оказались практически в той же точке, откуда начали. Но эмоциональная реакция Лоры на появление Имоджен и ее явное нежелание говорить на эту тему сегодня давали некоторый повод для размышления. И Том собирался выяснить все до конца.

– Наверное, мне пора, Джеймс. Все уже собрались в офисе фонда; как только мы закончим там, отправимся в Оксфордшир. Я буду здесь вечером и дам вам полный отчет. Надеюсь, к тому времени мне будет о чем доложить.

Пятнадцать минут спустя Бекки и Том были уже в машине на пути к Эджертон-Кресент. В воскресенье дороги были не так забиты, как в остальные дни, и хотя движение все равно оставалось довольно оживленным, пробок, по счастью, не наблюдалось. Бекки казалось, что они работают уже целый день, хотя на самом деле было всего лишь позднее утро. В Оксфордшир они выедут не раньше обеда, подумала она, и мысленно взмолилась, чтобы Том согласился остановиться по дороге, чтобы перекусить. Сегодня утром она не успела позавтракать и теперь умирала с голоду.

Том бросил на нее быстрый взгляд.

– Я хотел предложить разделиться, чтобы опросить девушек одновременно, но передумал. Мне кажется, будет лучше, если и с той и с другой поговорите вы. Пусть это будет неформальный разговор, так, легкая беседа. Показания мы можем снять чуть позже, это сделает кто-нибудь еще. С вами они более охотно поделятся сплетнями, а это как раз то, что нам нужно. Я поговорю с парнем, который отвечает за финансы; и еще туда заедет один из наших айтишников. Посмотрим, сможем ли мы извлечь что-нибудь из компьютера Хьюго. Что скажете?

Бекки предложение очень понравилось. Она умела находить подход к людям, и женщины часто делились с ней тем, о чем не смогли бы рассказать мужчине.

– Хорошая идея, босс. На чем конкретно мне следует сосредоточиться? Или вы хотите получить общую картину?

Она нисколько не удивилась, когда Том попросил ее постараться выяснить что-нибудь о возможной любовнице Хьюго – в прошлом или в настоящем.

– Мне поговорить с ними обеими сразу или по отдельности?

– А как, по-вашему, будет лучше? Вы знаете, как работает голова у женщин… а для меня, честно говоря, вы все – загадка и тайна за семью печатями.

Бекки покосилась на босса, думая, что он шутит, но лицо Тома было совершенно серьезным.

– Это зависит от того, какие между ними отношения. Если они хорошие подруги, то будут подбадривать друг друга и расскажут то, о чем никогда не решились бы сказать поодиночке. Если нет, то, наоборот, в присутствии друг друга они будут более сдержанными. Я бы хотела сначала оценить ситуацию. Возможно, начать с общего разговора, расспросить их, как функционирует офис, кто выполняет те или иные обязанности, а потом уже решить, как строить беседу. Так можно?

– Отлично. Вот мы и приехали, Бекки. Давай постараемся закончить все в течение часа.

Джессика Армстронг Бекки не понравилась. По непонятной причине, поскольку в принципе она казалась довольно приятной женщиной. Войдя в офис, Бекки почувствовала, что в воздухе витает дразнящий аромат.

– Я знаю, что вы, полицейские, всегда заняты, – сказала Джессика. – И может быть, вам не удалось сегодня позавтракать. Поэтому я подумала, что вы, возможно, не откажетесь от свежей выпечки. Вот здесь есть несколько разных видов. И я с радостью приготовила вам кофе – эспрессо, капучино или просто фильтр-кофе. Какой вы предпочитаете? И чай, разумеется, тоже, если вы больше любите чай.

Бекки, которую все это впечатлило, подумала, что теперь понимает, как Джессика стала личным помощником такого важного человека, как Хьюго Флетчер. Взяв с тарелки вторую плюшку, Бекки от души поблагодарила Джессику за любезность. В ответ мисс Армстронг прочитала мини-лекцию.

– Искусство быть хорошим личным помощником состоит в том, чтобы предугадывать желания людей и начинать действовать еще до того, как тебе дадут соответствующие распоряжения. Большинство людей думает, что суть этой работы – выслушивать указания и эффективно их исполнять, но это неверная точка зрения. Необходимо предвидеть то, что произойдет, и быть к этому готовым. Именно по этой причине сэр Хьюго считал меня незаменимой сотрудницей.

Несмотря на надменность и занудство Джессики, Бекки не могла не признать ее правоту.

После общей беседы за кофе Бекки все же решила поговорить с женщинами по отдельности. На первый взгляд они прекрасно ладили, но тем не менее было очевидно, что Джессика считает Рози низшей по должности и к тому же немного дурочкой. Рози проработала у сэра Хьюго около пяти лет, в то время как сама Джессика провела с ним рядом более двенадцати. Неудивительно, что она ставила себя намного выше. При этом Бекки отметила, что, как ни странно, именно у Рози были заплаканные глаза, а Джессика выглядела совершенно бесстрастной.

Бекки захотелось назло Джессике сначала поговорить с Рози. Неплохо было бы стереть это слегка надменное выражение с лица бывшей личной помощницы. Но Бекки знала, что нельзя позволять эмоциям влиять на ход дела, а Джессика должна быть на ее стороне. Поэтому они прошли в отдельный кабинет и присели на диван.

– Джессика, – начала Бекки. – Мне бы хотелось получше узнать, что за человек был сэр Хьюго. Какую жизнь он вел, в чем заключалась его работа. Вы проработали вместе с ним много лет и, уверена, были очень с ним близки. Надеюсь, вы сможете помочь мне понять его. Можно начать с того, чем именно вы занимаетесь, например, или как вам работалось с сэром Хьюго.

– Я должна начать с того, что сэр Хьюго был выдающейся, исключительной личностью. Таких, как он, больше нет – и я не могу себе представить жизнь без него. Вероятно, вы думаете, что отсутствие выраженных эмоций с моей стороны означает бесчувственность и холодность, но это абсолютно не так. Все дело в воспитании, сержант. Меня приучили не выплескивать своих чувств, поскольку это недопустимо. Поэтому никто никогда не увидит меня в слезах. Это не в моих привычках.

Черт возьми, подумала Бекки. Она так поразилась, что не сразу нашлась с ответом. К счастью, отвечать ей не пришлось – Джессика летела вперед на всех парах.

– У помощника человека такого масштаба, как сэр Хьюго, много обязанностей. От лица сэра Хьюго я поддерживаю связь с Брайаном Смедли из компании, управляющей недвижимостью, но это не основная моя функция, так как большая часть этой работы лежит на главном офисе. Главное, чем я занимаюсь, – это помогаю сэру Хьюго с ежедневными делами благотворительного фонда. Когда

объявляется семья, готовая принять девушку на проживание, именно я отправляюсь туда первой, чтобы дать свою оценку. Потом, разумеется, мы препоручаем все остальное специалисту, занимающемуся социальной работой, но я решаю, какая из девушек лучше уживется с той или иной семьей, а затем передаю дело в руки команды. Потом я слежу за тем, чтобы они наносили визиты девушкам, чтобы семье регулярно поступали платежи и так далее. Также я первая, кому звонят в случае любых проблем с девушками или с семьями. Соответственно, моя работа требует такого уровня знания дела, какое достигается только многолетним опытом.

Бекки откусила миндальный круассан и смутно удивилась – неужели она действительно ест уже третью порцию?

– С какого рода проблемами вам приходится сталкиваться?

– О… некоторые из этих девушек такие дурочки. Им выпадает уникальный шанс, возможность начать все сначала, а они его отпихивают. Иногда бывает так, что наша подопечная крадет что-нибудь из семьи, но, рада отметить, это случается очень редко. Пару раз бывали случаи соблазнения отца семейства. Это очень неприятно, потому что, как правило, во всем обвиняют фонд. Жена, естественно, предпочитает верить в то, что ее муж невинен, как овечка. А некоторые девушки просто возвращаются на панель. Они считают, что так можно заработать больше денег. Потом еще бывает, что девушка оставляет записку и уходит. Кто знает куда? Некоторые несчастные снова оказываются в руках сутенеров, от которых сбежали. Следы этих отыскать очень трудно, особенно если их держат в закрытых борделях. Так что работа у меня совсем не простая; она требует постоянного душевного напряжения.

Помня о том, что, по мнению Тома, одна из этих девушек может быть причастна к преступлению, Бекки решила еще немного копнуть в этом направлении.

– Не пропала ли одна из девушек недавно?

– Да, было. Одна дурочка, которой надо было бы подумать головой, прежде чем совершать глупые поступки.

Около двух недель назад.

– И что?

– Прошу прощения? А, вы имеете в виду, что с ней случилось? Учитывая ее печальный опыт, это просто смешно. Она жила в одной очень милой семье и работала официанткой в местном кафе. Там она познакомилась с каким-то мужчиной. Он приходил каждый день и осыпал ее комплиментами. Знаете, как некоторые женщины падки на такого рода лесть. Пара красивых слов – и она уже его. Жалкое зрелище, честное слово. В общем, он предложил ей уйти и жить вместе с ним, и она согласилась. Вероятно, думала, что это и означает нормальную жизнь. – Джессика презрительно хмыкнула. – Семье она сказать постеснялась, боялась, что они станут ее отговаривать. Полагаю, вы уже догадались, что было дальше. Он оказался сутенером. Как только она ушла, очутилась в его руках. Вернуться она не могла – или думала, что не может. Мы нашли ее – через свои источники среди уличных банд. Выяснилось, что владелец кафе, где она работала, тоже не совсем чист. Разумеется, больше мы не будем пользоваться его услугами. Мы дали ей еще один шанс, с другой семьей – первая не захотела принимать ее обратно, и это вполне объяснимо. Что касается меня, я думаю, это точно ее последний шанс.

– А другие случаи? До этого?

– Нет… в последнее время ничего такого не было. Пожалуй, последний раз такое случилось по меньшей мере два месяца назад. Девушка решила, что ей будет лучше на панели. Честное слово, некоторые люди просто не заслуживают нашей помощи.

Бекки не стала озвучивать свое мнение насчет добросердечия и человеколюбия Джессики; нужно было двигаться дальше.

– Нравилось ли вам работать с сэром Хьюго?

– О да. Это было просто прекрасно. Мне не в чем его упрекнуть. Он всегда был безукоризненно вежлив – даже в те дни, когда у него что-то не ладилось или он был в одном из этих своих странных настроений.

– Как вы думаете, он был счастлив? Его брак был счастливым? Удачным?

Джессика слегка скривила губы и уставилась на свои ладони. Бекки была уверена в том, что сейчас последует слегка завуалированная, но все же гадость. Она хорошо знала этот тип; ей приходилось встречать женщин вроде Джессики, хотя воспитание и деньги несколько маскировали ее истинную сущность. Но лицемерная корова всегда оставалась лицемерной коровой – в дизайнерских шмотках или в подержанном тряпье.

– Должна признаться, я была в значительной степени шокирована, когда узнала, что сэр Хьюго собирается жениться на Лоре. Она явно ему не подходила. Ему нужна была женщина из хорошей семьи. С хорошими манерами, воспитанная. Такая, которая понимала бы его. В общем… кто-то, у кого есть класс. Родственная душа. Так что Лора была неподходящей партией. Но с того самого дня, как они познакомились, и до самой свадьбы в нем чувствовалось особое настроение. Предвкушение. Я бы сказала, едва сдерживаемое возбуждение, радость. У него буквально сияли глаза. Кто бы мог соперничать с таким, верно?

«Соперничать» – интересный выбор слова, подумала Бекки.

– Значит, они были счастливы? – спросила она вслух.

Джессика посмотрела в сторону:

– Не могу сказать. Но когда он вернулся в Лондон после медового месяца, тот самый блеск в глазах куда-то исчез. Как будто что-то пошло не так и его ожидания не сбылись.

– Как вы думаете, Джессика, у сэра Хьюго могла быть любовница? Не знаете ли вы кого-то, у кого были с ним отношения?

– Сэр Хьюго был настоящим мужчиной… во всех смыслах этого слова. По моему мнению, он дважды сделал неверный выбор – в том, что касается спутницы жизни. Я считаю, ему нужна была женщина, которая понимала бы его, жила в его мире, утешала, поддерживала и облегчала его жизнь всеми возможными способами. Он этого заслуживал. Не думаю, что его жены давали ему это – ни первая, ни вторая. За эти годы я несколько раз замечала у него такое настроение – смесь эйфории и возбуждения. В последние несколько недель это было особенно заметно. Но я понятия не имею, с чем это было связано и завел ли он любовницу. Если и да, я бы его точно не винила.

Что это – преклонение перед своим героем или одержимость, подумала Бекки. Джессика явно полагала, что Хьюго должен был выбрать ее. Если бы она действительно знала о незаконной связи, сказала бы об этом или нет? Неужели она упустила бы возможность воткнуть нож в очередную неподходящую женщину? Разве что любовницей Хьюго была она сама. Тогда это имело бы смысл.

Бекки поблагодарила Джессику за беседу и напомнила ей о том, что в официальные показания должна быть включена информация о том, где она находилась в момент убийства. После этого она дала себе несколько минут, чтобы подумать о следующем разговоре. Рози показалась ей милой девушкой. Немного легкомысленной, возможно, но нормальной. Судя по выговору, она явно была из хорошей семьи – более высокого класса, чем семья самой Бекки. Старина Хьюго брал на работу только тех, кто безукоризненно владел языком. Но Рози была приятнее, чем Джессика. Та задирала нос так высоко, что было удивительно, как ей удается не опрокинуться на спину.

Глаза Рози покраснели от слез, но их было почти не видно за густой светлой челкой. Неужели через нее можно что-то разглядеть, мельком подумала Бекки. Рози была одета по-воскресному, а не для офиса: дорогие на вид – и очень обтягивающие – джинсы, высокие кожаные сапоги и ярко-зеленый свитер. Бекки вдруг почувствовала себя очень старой – на ней самой был привычный черный костюм и практичные черные туфли без каблука. Однако она тут же собралась и переключилась на работу.

– Итак, Рози. Давайте с вами поговорим. Я хочу понять, в чем заключались ваши обязанности, насколько вы были вовлечены в повседневную жизнь сэра Хьюго и так далее. Не могли бы вы начать с обзора своей работы?

– Может быть, вам покажется, что я ничего особенного не делаю, но на самом деле на мне лежит масса обязанностей. Я заказываю билеты, гостиницы и прочее, если сэр Хьюго отправляется в поездку. Организовываю охрану, когда она нужна. Занимаюсь расписанием и встречами, заношу все это в ежедневник. Еще на мне офис – я слежу за тем, чтобы всегда были в наличии канцелярские принадлежности, отвечаю на телефонные звонки и тому подобное. Вообще я всегда очень занята, хотя Джессика считает, что я зря ем свой хлеб.

– Разве вы не ладите с Джессикой?

– Да нет, она вполне нормальная. Разве что слишком уж аристократка для таких, как я.

– Вам нравилось работать с сэром Хьюго?

– Да, все было хорошо. Он, правда, и сам немного задирал нос, но зато мне очень нравилось сообщать своим знакомым, что я работаю с «сэром». И еще – удивительно, но он совсем не сердился на меня, если я нечаянно задерживалась в «Харви Николс» в обеденный перерыв и опаздывала на работу. Ну разумеется, если я потом компенсировала это время после работы. Вообще он был куда более терпимым, чем Джессика. Она прямо из себя выходит, если у нас кончаются скрепки или что-то в этом роде. Можно подумать, начался конец света.

– Расскажите мне о его ежедневнике, Рози. Он заносил туда и личную информацию тоже или только деловые встречи?

– О, с ежедневниками у нас была целая история. Он ни в какую не желал заводить электронный органайзер. Я хотела, чтобы он купил себе «Блэкберри», но он отказался наотрез. Он вообще любит вещи, которые можно потрогать… или любил. Наверное, надо говорить «любил». Поэтому я заносила его расписание в свой компьютер, а потом переписывала все в ежедневник. Слово в слово. С ума сойти! У него всегда лежал на столе ежедневник, огромный, с большими страницами, в кожаной обложке, каждый год новый. На странице было всего по нескольку строчек – только деловые встречи. Но он хранил их годами. Словом, я должна была следить за тем, чтобы записи в ежедневнике и компьютере совпадали. И это еще не все! Каждый день я должна была делать еще одно расписание. Распечатку на бумаге, где были подробно перечислены все передвижения сэра Хьюго на этот день вместе с телефонными номерами, адресами, а также временем и предметом встречи. Он использовал современные технологии, только если это было совершенно необходимо. Компьютер? Когда я упоминала компьютер, он говорил: «Изыди, сатана». И без всякой улыбки! Хотя мобильный телефон у него был, и он с ним не расставался. Но я сама вбивала туда все нужные номера. Честно говоря, их было не так уж и много – главным образом офис, дом и служба заказа лимузинов.

– Мобильный телефон? А где он его носил, Рози? Мы ничего не нашли.

– У него был кожаный портфель для документов. Там лежало расписание на день, деловые заметки и телефон. В карман он его никогда не клал – это портило силуэт костюма, а мы никак не могли этого допустить.

Бекки знала, что портфель Хьюго как раз нашли и в нем действительно лежало расписание на день – предшествующий дню убийства. Сейчас оно проверялось, но в целом там не было ничего подозрительного. А вот никакого мобильного в портфеле не было.

– Рози, как вы думаете, у сэра Хьюго могла быть любовница? Может быть, вам что-нибудь известно, какие-нибудь факты. Или хотя бы подозрения.

– Ну… была одна странная вещь. Может быть, это значит, что у него действительно была любовница. Но я не уверена. Возможно, мне мерещится то, чего на самом деле нет…

– Продолжайте.

– Время от времени у него в ежедневнике появлялась одна и та же запись. Три буквы: «ЛМФ». Иногда это занимало только один день, иногда два дня подряд. Иногда ночь. Он не говорил мне, что это за встречи, но никогда не отменял и не переносил их. Ни в коем случае. Когда я спрашивала, что означает «ЛМФ», он улыбался и отвечал: «Оставьте меня в покое»[1 - LMF – Leave me free (англ.) – оставьте меня в покое.]. Но я не верила ему ни на секунду! Сэр Хьюго никогда так не выражался, это было абсолютно не в его стиле. Если бы он хотел обозначить время отдыха, то сказал бы: «Я временно недоступен» или что-то в этом роде.

– Может быть, «Ф» означает «Флетчер»? Возможно, он навещает кого-нибудь из членов семьи с такими инициалами?

– Возможно, но я не знаю членов семьи сэра Хьюго, имена которых начинались бы на эти буквы. Сначала я подумала, что «Л» означает «Лора», но я же заказываю для нее авиабилеты и точно знаю, что у нее нет второго имени.

– Что вы можете сказать об отношениях сэра Хьюго с Джессикой? Они хорошо ладили?

– Она готова целовать землю, по которой он ходит. Но, к несчастью для нее, сэр Хьюго видит в ней только личного помощника, и ничего больше. Она ему нисколько не нравится, и он никогда не оказывает ей знаков внимания как женщине – я ничего такого не замечала.

Бекки на секунду задумалась. Если у них действительно была связь, может быть, Хьюго просто лучше притворялся, чем Джессика? Но «ЛМФ»… это звучало многообещающе.

– А Джессика не догадывалась, что означали эти буквы? Кажется, она очень гордится тем, что знала о сэре Хьюго все. – Бекки решила зайти с другой стороны.

– Я ее спрашивала, но она тоже понятия не имела, что это значит. Я всегда думала, что это как-то связано с другой женщиной, но Джессика говорила, что это не наше дело и нас не касается. Если бы… если бы мы решили, что нас это касается

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

LMF – Leave me free (англ.) – оставьте меня в покое.

Купить: https://tellnovel.com/ebbot_reychel/tol-ko-nevinnye

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити